

ЮРИЙ КЛАРОВ
•
**ЧЕРНЫЙ
ТРЕУГОЛЬНИК**

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Юрий Кларов
Черный треугольник

«Центрполиграф»

1978

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кларов Ю. М.

Черный треугольник / Ю. М. Кларов — «Центрполиграф»,
1978 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-9524-5297-8

1918 год. Из Патриаршей ризницы Московского Кремля похищены церковные реликвии, среди которых – уникальные произведения ювелирного искусства. Сотрудникам Московской уголовно-разыскной милиции предстоит выяснить, имеют ли они дело с обычным ограблением, или же за этим кроется нечто иное.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-9524-5297-8

© Кларов Ю. М., 1978
© Центрполиграф, 1978

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
1	7
2	9
3	13
4	19
Глава 2	24
1	24
2	29
3	34
Глава 3	41
1	41
2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юрий Кларов

Черный треугольник

© ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2017

Пролог

Январь 1918 года. В эти дни в газете «Известия» был опубликован декрет Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах».

Из декрета

«1. Церковь отделяется от государства.

...

9. Школа отделяется от церкви.

...

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

Несколько позже в кадетской газете «Русские ведомости» было напечатано воззвание Всероссийского поместного собора по поводу этого декрета.

Из воззвания

«Православные христиане!

От века неслыханное творится у нас на Руси святой. Люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые христианской, а некоторые из них – и всякой веры, издали декрет (закон), названный ими «О свободе совести», а на самом деле устанавливающий полное насилие над совестью верующих.

По этому закону, если он будет проводиться, как местами и проводится уже в исполнение, все храмы Божии, с их святынями и достоянием, могут быть у вас отняты, ризы с чудотворных икон станут снимать, священные сосуды перельют на деньги или обратят во что угодно, колокольный звон тогда смолкнет, святые таинства совершаться не будут, покойники будут зарываться в землю не отпетыми по-церковному, как и сделано это в Москве и Петрограде, на кладбища православные понесут хоронить кого угодно...

Объединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, объединяйтесь все, и мужчины и женщины, и старые и малые, составляйте союзы для защиты ваших заветных святынь...

Громко заявляйте и на деле показывайте, что вы вняли голосу отца и вождя своего духовного, святейшего патриарха Тихона...

Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание...»

Глава 1

В Патриаршей ризнице

1

Когда дежурный по Совету милиции доложил, что машина подана, я еще раз перечитал телефонограмму начальника Московской уголовно-разыскной милиции:

«...Список похищенного в Патриаршей ризнице покуда не составлен, однако, по словам архимандрита Димитрия, стоящего во главе попечения о ризнице, и архиепископа Грозненского Михаила, ущерб составляет несколько десятков миллионов золотых рублей... Антисоветскими элементами распространены слухи, будто из ризницы исчезли реликвия православной церкви: хитон Иисуса Христа и часть ризы Богородицы. В связи с этим возбужденная толпа обывателей окружила ризницу. Возможны нежелательные эксцессы и самосуды. Прошу принять срочные меры...»

Ну конечно, сам начальник уголовно-разыскной милиции никаких мер принять не мог. Этим, по его мнению, должен был заниматься Совет милиции.

- Комендатура Кремля оцепила ризницу? – спросил я у дежурного.
- Не знаю, товарищ Косачевский. Никак не могу с ними соединиться.
- А Дубовицкий уже на месте происшествия?
- Тоже не знаю.
- А что вы знаете?

Он вымученно улыбнулся, вздохнул и положил брошенную мною телефонограмму в синюю папку, на обложке которой было вытиснено: «Градоначальничество города Москвы». И дежурный и папка перешли к нам по наследству. Неважное наследство...

Приказав протелефонировать об ограблении Патриаршей ризницы председателю Совета милиции Рычалову, я в сопровождении Артюхина вышел на улицу.

Было еще темно, но густой морозный воздух уже сотрясали звуки бесчисленных колоколов, зовущих к ранней обедне. Подхваченный ветром колокольный гул плыл над Тверской, над голыми черными деревьями, над гребнями еще не разобранных баррикад.

Бум, бумм, буммм...

Блекли тени на сугробах бульваров. Ветер волочил по обледеневшим булыжникам мусор и выпавший за ночь колкий снег.

Холодно, тоскливо, неудобно.

Возле пушек перед рыжим фасадом Московского Совдепа зябли в своих долгополых шинелях солдаты-двинцы. А с противоположной стороны Тверской глядел на них, подняв над головой пашку, застывший от мороза чугунный Скобелев.

– Помочь? – спросил Артюхин у шофера, который уже добрых десять минут крутил ручку мотора.

– Чего там, обойдусь... – Парень вытер пот со лба и вновь принялся за свое, похоже, безнадежное дело. Большой черный кот, покосившись на автомобиль, рысцой перебежал дорогу.

– А чтоб тебя! – расстроился Артюхин.

Москва просыпалась. То там, то здесь вспыхивали желтым светом окна домов. Мелким перебором прозвенел груженный дровами трамвай. Мимо чугунного генерала к гостинице «Дрезден» прошел отряд красноармейцев. Выползали на улицу дворники. Лениво переговаривались у соседнего особняка, где на спускавшемся с балкона полотнище красовался манифест пананархистов.

«Дворники, творите анархию! – призывал он. – Швейцары, творите анархию! Кандальщики, воры, убийцы, проститутки! Сыны темной ночи, станьте рыцарями светлого дня... Творите анархию!»

Судя по оплывшим лицам дворников, которым предстояло стать «рыцарями светлого дня», они не столько были озабочены проблемами анархии, сколько желанием опохмелиться. Впрочем, некоторые, повинаясь привычке, лениво скребли лопатами панель.

Вконец выведенный из терпения шофер длинно и изобретательно выругался. Кажется, это и сломило сопротивление автомобиля. Мотор закашлял, засопел.

– Можно ехать, товарищ Косачевский, – сказал шофер. – Только вы уж папироску бросьте: как бы взрыва не было. Не лошадь какая – техника.

Артюхин, большой, грузный, с карабином за плечом, предупредительно открыл передо мной дверцу:

– Пожалуйста, Леонид Борисович.

Это у сибиряка получилось почти изящно: вышколенный адъютант, да и только.

– Через Столешников и по Большой Дмитровке? – спросил шофер.

– А то, – подтвердил Артюхин. – По Тверской как поедешь? Разве что в ускоренном темпе: бульжники-то вывернуты. Надо бы замест нетрудового населения мужика сюда. Мужик бы враз все замостил. А эти что? И лома в руках не держали...

Собственно, до Кремля было рукой подать, но Артюхин считал, что заместитель председателя Московского совета милиции обязан разъезжать по делам только на автомашине, благо такую нам выделили еще в декабре.

– Кнопку нажми, – приказал он шоферу.

– Зачем?

– Для авторитетности, елова шишка!

Шофер надавил на клаксон, и Дмитровка огласилась таким хриплым ревом, что часовой в шубе, мирно дремавший у подъезда какого-то учреждения, дико завертел головой и потянулся за винтовкой.

– Вот это по-нашему, – удовлетворенно сказал Артюхин.

На Красной площади было уже довольнолюдно. Темнела толпа у часовни Иверской Божьей Матери, группами и поодиночке брели богомольцы в сторону Никольской улицы, к Казанскому собору. Поврежденные артиллерийским обстрелом часы на Спасской башне неизменно показывали тридцать пять минут четвертого. Время для них остановилось...

Установленные на кремлевских стенах прожекторы были уже выключены. Высоко в небе, распластав крылья, сидели на башнях двуглавые орлы. Они прислушивались к перезвону колоколов и неодобрительно косились на бумажные цветы, венки и красно-черные ленты на гигантской могиле тех, кто был здесь похоронен в ноябре прошлого года и чьи неприкаянные души, по слухам, бродили ночами по площади, пугая богобоязненных обывателей...

Автомобильные фары осветили стоящих у могилы старуху с двумя детьми, несколько женщин и красногвардейца с винтовкой. На стене пузырилось красное полотнище с размытой надписью: «Жертвам – предвестникам мировой социалистической революции».

Мы подъехали к Спасским воротам. Рядом с древком красного флага светилась лампада под ликом Иисуса Христа. Артюхин поспешно сдернул с головы шапку и перекрестился. Шофер укоризненно посмотрел на него:

– Бога-то нет, товарищ!

– До этого я и без тебя дошел, – строго сказал Артюхин и перекрестился вторично...

2

Иван Великий, звонница и Филаретова пристройка уже были оцеплены со стороны Соборной площади солдатами кремлевской охраны. Матерились охотнорядцы. Напирали на охрану, угрожая подвешенными к ремешкам гирями, колами, ломами.

Цепь была редкой, и толпа наверняка смяла бы ее, если б не серый броневилок комендатуры, который скромно пристроился рядом с громадным цоколем Царь-колокола. Хоботки двух пулеметов действовали благотворно. Стоило пулеметам слегка шевельнуться, как людская волна тотчас откатывалась назад, обнажая перед шеренгой солдат широкую полосу утрамбованного снега. Сведениями о том, что в арсенале Кремля нет ни одной пулеметной ленты, а сами пулеметы броневика испорчены в ноябре юнкерами, охотнорядцы не располагали...

От стоящей возле броневика группы отделились начальник Московской уголовно-разыскной милиции, бывший присяжный поверенный Дубовицкий и толстый человек в сдвинутой на затылок бобровой шапке – профессор изящных искусств Карташов, которого Дубовицкий обычно привлекал в качестве эксперта.

– Доброе утро, господин Косачевский, – благодушно приветствовал меня Карташов.

Профессор был из числа тех, кто находит для себя развлечение во всем, и в первую очередь в неприятностях ближних. Его забавляли бушующая толпа, солдаты, броневик и конечно же сенсационное ограбление, о котором завтра будут кричать все газеты.

В противоположность ему Дубовицкий всем своим видом выражал благопристойную скорбь. Это соответствовало его официальному положению. Пожимая мне руку, он выразил надежду, что я хорошо провел ночь. Сам Дубовицкий, судя по тщательно выбритому, отдохнувшему лицу с косыми бачками и кокетливой эспаньолкой, не только великолепно выспался, но и успел уделить максимум внимания своей внешности. От него пахло дорогими аткинсоновскими духами – необходимой принадлежностью туалета каждого порядочного человека.

Я поинтересовался, действительно ли похищены хитон и риза.

– Увы, нет, – комически вздохнул Карташов. – Оскудели верой православные! Ларцы украла, а реликвии выкинули...

Договорившись с Карташовым, что он составит подробное описание наиболее ценных вещей, я спросил у Дубовицкого, осматривал ли он ризницу.

– Еще нет. Хотел вас дождаться, – объяснил он. – Но там уже работают мои люди. У меня, кстати, к вам просьба, Леонид Борисович. Переговорите, пожалуйста, с комендантом.

– О чем?

– О солдатах... бронеавтомобиле... Право, весь этот воинский антураж ни к чему. Он лишь будоражит и без того возбужденную религиозную массу.

– Если не ошибаюсь, именно вы просили принять меры против этой «религиозной массы»?

– Я тогда еще не знал, что грабители не тронули хитона и ризы. А теперь, когда недоразумение выяснилось...

– Разве им, – я кивнул в сторону толпы, – не сказали об этом?

– Сказали, разумеется. Помощник коменданта объявил, что реликвии находятся в сохранности.

– В чем же дело?

– Они не верят, – сказал Дубовицкий и, помявшись, добавил: – Помощник коменданта для них не авторитетен.

– А кто же, позвольте полюбопытствовать, для них авторитетен?

– Архимандрит Димитрий, – извиняющимся тоном сказал Дубовицкий. – Я уже с ним беседовал...

– И что же?

– Мне посчастливилось его уговорить. Может быть, ему удастся успокоить людей... На него можно положиться...

– Я предпочитаю в подобных случаях полагаться только на пулеметы, Виталий Олегович. Ловко увернувшись от брошенного кем-то камня, Дубовицкий пожал плечами:

– Воля ваша.

Из-за моей спины вывернулся некто в хорьковой шубе и пенсне на носу. Напористо сказал:

– Господин Косачевский, мне как репортеру «Русских ведомостей», – он протянул корреспондентский билет, – желательно бы задать вам один вопрос...

– Если позволите, первым вопрос задам я. Как вы ухитрились проникнуть через оцепление?

Некто в шубе польщенно осклабился:

– Смею уверить, это было не так уж трудно. Проявив некоторую изобретательность...

– Тогда вторично проявите свою изобретательность и проникните обратно. Это будет еще легче.

– Я протестую, господин Косачевский.

– Естественно.

– Позвольте... – Но Артюхин уже передавал его с рук на руки ближайшему солдату.

Дубовицкий, молча и неодобрительно наблюдавший эту интермедию, поморщился:

– Опрометчиво, Леонид Борисович. Как-никак, а «Русские ведомости» – голос независимой интеллигенции.

О «чистоте» голоса этой газетки можно было, конечно, поспорить. Но к чему? Ведь Дубовицкий не только «Русские ведомости», но и самого себя тоже причислял к стоящей над партийными раздорами истинно русской интеллигенции. Бывший присяжный поверенный считал, что ему и его единомышленникам предстоит объединить демократические силы и повести их... Вот куда именно, Дубовицкому было неясно: то ли ко всемирному христианскому братству, то ли к коммунизму, то ли к конституционной монархии с либеральным профессором на престоле.

Начальником уголовно-разыскной милиции он стал летом семнадцатого при Временном правительстве. И теперь заканчивал свою карьеру полным развалом розыскной работы.

– Разговор о русской интеллигенции отложим до другого раза, Виталий Олегович. А сейчас, будьте любезны, введите меня в курс дела.

– Да, да, разумеется, – поспешно сказал он. – Все обстоятельства преступления пока не выяснены. Но...

По словам Дубовицкого, вчера во второй половине дня ризничий – архимандрит Димитрий в сопровождении разводящего келейника, подрядчика и двух столяров направился в ризницу. Печать на входной двери была в полном порядке, замки тоже.

Однако, когда ризничий прошел мимо разобранных шкафов у входа – их-то и должны были собрать рабочие, – он обратил внимание на осколки стекла. Он кинулся к стенной нише. Толстое зеркальное стекло, прикрывающее ее, было выбито, а сама ниша пуста. В этот момент разводящий келейник крикнул, что дверь между первой и второй палатой взломана.

Оказалось, что восьмиугольная витрина с крестами, фимиамницами и панагиями почти пуста. Точно так же были очищены грабителями многоярусные дубовые шкафы в третьей, четвертой и пятой палатах, витрины и застекленные стеллажи вдоль стен, кованые сундуки, пятистворчатый шкаф, в котором находились ценности Успенского собора, в том числе и реликвии православной церкви.

– Почему же об ограблении советским властям было сообщено не вчера, а сегодня?

На этот вопрос Дубовицкий ответить не мог.

– Архимандрит, – сказал он, – телефонировал мне о случившемся на квартиру около четырех часов утра. О том, как была обнаружена кража и когда, я узнал уже здесь.

– Вы опрашивали архимандрита?

– Нет, я не считал это удобным.

– А вообще расследовать ограбление вы считаете удобным?

– Видите ли, Леонид Борисович, мои сотрудники сняли допрос с разводящего келейника, подрядчика и ювелира ризницы Кербеля. Я считал, что этого достаточно.

– Когда и кем ризница посещалась в последний раз?

– Затрудняюсь вам что-либо ответить.

– Ризничий здесь? – спросил я, чувствуя, что добиться от него какого-либо толка мне так и не удастся.

– Разумеется, Леонид Борисович. Он очень взволнован случившимся.

Я послал Артюхина за архимандритом. Долго разыскивать его не пришлось: ризничий стоял вместе со стареньким монахом в нескольких шагах от нас. Высокий, стройный, он был красив и немного картинен. Синие строгие глаза смотрели спокойно и выжидательно.

– Почему вы только сегодня сообщили в милицию об ограблении? – спросил я.

– Для этого имелись свои причины.

– А именно?

– В церковной иерархии существует такая же субординация, как и в светской, – спокойно и вразумительно объяснил он. – Поэтому, узнав об ограблении, я счел своим долгом прежде всего поставить в известность патриарха и действовать, сообразуясь с его указанием.

– Выходит, он возражал против того, чтобы вы сразу же сообщили нам?

– Вы склонны к поспешным выводам, господин Косачевский. Патриарх, понятно, не возражал. Но в момент обнаружения кражи его не было. Он находился в Звенигороде. Я туда послал нарочного. Как только было получено указание его святейшества, я тотчас же телефонировал господину Дубовицкому.

– Почему вы так долго не навещали ризницу? – Мне показалось, что он смешался. Но может быть, мне это только показалось?

– Я считал, что в слишком частых посещениях не было особой необходимости.

– Как видите, вы ошиблись.

– За свою ошибку я готов держать ответ перед Богом и Поместным собором.

Кажется, Димитрий был уверен, что Бог и Поместный собор с него строго не спросят. Впрочем, на их месте я бы тоже проявил снисходительность: посещения ризницы вряд ли помешали бы ограблению. И в то же время пренебрежение своими обязанностями совсем было непохоже на Димитрия.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Мой духовный сан не дает мне права на подозрения.

– Список похищенного уже составлен?

– Видимо, да. Этим занимался ювелир ризницы Кербель.

– Вы ему полностью доверяете?

– Кербель работает в ювелирной мастерской ризницы свыше двадцати лет. Кроме того... – Не окончив фразы, он замолчал и поднял кверху глаза.

По водосточной трубе, упираясь ногами в рустовку стены, спускался человек. Поржавевшая, покрытая наледью жесть скрипела, сыпались куски ржавчины...

– Это еще что за явление?

– Кажется, Волжанин, – неуверенно ответил Дубовицкий.

– Какой Волжанин?

– Матрос... Он у нас агентом второго разряда числится.

В сажени с небольшим от земли Волжанин повис на руках и спрыгнул. Мягко ступая ногами в шерстяных носках – сапоги, видимо, оставил в ризнице, – подошел к нам и, обнажив в улыбке золотые зубы, шутовски представился:

– Краса и гордость революционной Балтики Николай Севастьянович Волжанин.

Дубовицкий укоризненно покачал головой:

– Ну зачем же по трубе? Ведь есть лестница... Нехорошо.

– Эксперимент, товарищ Дубовицкий.

– Какой эксперимент?

– Проверочка. Проверял, могли ли те, что ризницу грабнули, этот риф взять.

– Ах вон оно что!

– Передохну чуток – наверх полезу.

– Шею свернете, – сказал я. – Не советую судьбу искушать.

Он зыркнул на меня глазами, пригладил ладонью мокрую от пота челочку:

– Судьба – баба добрая!

– Как для кого...

– Для моряков, понятно. Меня лично она навек полюбила, не первый год с ней марьяжу.

Так что до свиданья наверху.

Проводив глазами матроса, Дубовицкий меланхолично заметил:

– Вот с каким кадром приходится работать, Леонид Борисович!

Я был согласен с его невысказанной, но подразумеваемой характеристикой. Похожих «братишек» я навидался в Петрограде, когда участвовал в разоружении матросов-анархистов Второго флотского экипажа. Но Дубовицкий зря рассчитывал на мое сочувствие: даже когда он был прав, я все равно не мог преодолеть свою антипатию к нему.

Волжанин с ловкостью кошки карабкался по трубе. Кажется, судьба к нему действительно благоволила...

Я повернулся к Димитрию:

– Вы будете нас сопровождать при осмотре, Александр Викентьевич?

– Если в этом имеется надобность... Правда, меня ждут в синодальном доме...

– Не смею задерживать, Александр Викентьевич.

Когда архимандрит ушел, Дубовицкий удивленно сказал:

– Вы, оказывается, знакомы с его высокопреподобием?

– Без малого двадцать лет. Он преподавал в семинарии, где я учился. В миру его звали Александром Викентьевичем. Александр Викентьевич Шукин.

– А матросик-то курносик вскарабкался! – подал голос Артюхин. – Ну чистая кошка!

Мы задрали головы. Волжанин, который казался снизу совсем маленьким, помахал нам рукой и скрылся в проеме углового окна.

«Вот сукин сын», – подумал я и сказал:

– Повезло вам, Виталий Олегович, с пополнением. Каких лихих ребят прислали, а?

– Разумеется, разумеется, – кисло согласился он.

3

Мы прошли мимо сложенных вдоль стены разобранных шкафов, упакованных в рогожу.

В полутемном зале с застоявшимся воздухом пахло пылью, лампадным маслом и чем-то горелым. На каменных стенах темнели разводы копоти. Под ногами хрустело стекло. Осколками был усеян весь пол. Неподалеку от прямоугольной глубокой ниши валялись обрывки веревок и куски брезента. Тут же несколько окурков, молоток, сплюснутая позолоченная чаша, наполовину пустая бутылка с какой-то жидкостью.

– Видимо, здесь грабители упаковывали похищенное, – заметил Дубовицкий.

– Я всегда восхищался вашей проницательностью, Виталий Олегович.

Он покраснел, суетливо достал портсигар, но вовремя спохватился и сунул его обратно: в ризнице курить не полагалось...

– Вы богаты папиросами? – Папиросы, как и духи, были высшего разбора. Давно я не курил таких папирос...

Недалеко от окна лежала груда скомканных парчовых, бархатных и шелковых одеяний. Помощник ризничего, рябой монах в выцветшей камилавке, поспешно поднес лампу. Но и без нее хорошо были видны переливающиеся гиацинтом архиерейские мантии с бархатными скрижалями на груди; шитые золотом плащаницы; старинные, почти в человеческий рост, греческие ризы с вырезом для головы; ризы иерархов православной церкви – саккосы и полиставрии.

Когда-то на экзамене в семинарии меня основательно гоняли по духовным одеяниям. Экзаменатор, ехидный тощий старичок, которого непрестанно мучила икота, по каким-то соображениям, а может, просто из вредности характера, обязательно хотел меня срезать.

«Что знаменует риза, она же фелонь?» – изгибался он вопросительным знаком и приставлял к уху трубочку.

«Когда воины глумились над Спасителем, – барабанил я, – они обрядили его в рубище с дырой для головы. Потому, благоговей перед муками распятого, Церковь признала сие одеяние священным. Оно напоминает иерею, что в служении своем он изображает Господа и потому должен облекаться правдою при всех делах своих».

«А какие слова должен говорить иерей при облачении?»

«Слова псалма: «Священники Твои, Господи, облечутся в правду и преподобии Твои радостию возрадуются».

Старичок недовольно икал и задавал очередной вопрос:

«Что знаменует епископская мантия?»

«По изъяснению Симеона Солунского, мантия сия знаменует всепокрывающую силу Божию...»

Старичок гонял меня до седьмого пота, но поставил высший балл.

Александр Викентьевич Шукин, принявший вскоре монашество и ставший Димитрием, умел вбивать в тупые бурсацкие головы подобную премудрость...

Интересно, что бы сказал ехидный старичок, увидев этот ворох?

Рябой монах, кряхтя, опустился на колени, вытащил из кучи одежд парчовый саккос с нашивной епитрахилью – приперсником, что свидетельствовало о принадлежности саккоса патриарху. Разгладил парчу ладонью, так же кряхтя, поднялся.

– Саккос первого патриарха Всероссийского, святейшего Иовы, – сказал он. – Опоганили, святотатцы... Звонцы золотые срезали, круги срезали, жемчуг оборвали...

– Двенадцать крупных жемчужин весом от десяти до шестнадцати каратов, – эхом отозвался тихий надтреснутый голос.

Это сказал маленький человек с непомерно крупной головой на узких, худых плечиках. Он стоял за спиной монаха. Я не видел и не слышал, как он подошел. Это было тем более странно, что каждый шаг здесь сопровождался скрежетом стекла.

– С кем имею честь?.. – спросил Дубовицкий.

– Кербель. Ювелир Патриаршей ризницы Федор Карлович Кербель.

На нем была длинная, расходящаяся книзу темная крылатка, и от этого Кербель походил на какой-то неведомый природе черный гриб. Очки, одутловатое лицо с обвисшими щеками, в глазах – тихое безумие. Я спросил, составил ли он опись похищенного. Оказалось, что список составлен и копия его передана Карташову.

– Оригинал у вас?

– Нет, – сказал Кербель, – у агентов сыскной милиции.

– Где они сейчас?

– В ювелирной мастерской ризницы.

– Вот и подождите нас там. Мы скоро будем.

Он исчез так же неслышно, как и появился.

– Станный господин, – сказал Дубовицкий, а все время молчавший вопреки своим привычкам Артюхин вставил:

– Станный не странный, а умом малость грабленный. У меня на памятьх точно вот такой блаженный на заимке бедствовал. Федором дразнили. Только этот на ногу помоложе будет – юркий.

Мы прошли все залы, и везде нас сопровождал мерзкий скрежет битого стекла.

Долго осматривали угловое окно с выпиленной решеткой и вырванным металлическим ставнем. Отсюда хорошо были видны шляпа Царь-колокола и расположенный наискось синодальный дом с церковью Двенадцати Апостолов.

Артюхин поднял с пола выпиленную решетку с обрывками привязанной к ней веревки. Вербка была из пеньки, просмоленная, двухшнурковая. Крепкая веревка. Видимо, тот, кто распиливал прутья, чтобы не сорваться, привязал себя. Ставень он вырвал с помощью деревянного бруска, который теперь валялся на полу. Упакованные же в брезент ценности они спустили вниз на веревке. С той стороны, где находился часовой, окно это не просматривалось.

– Распили снизу вверх, – изрек Дубовицкий, тщательно исследовавший решетку. Для подобного заключения совсем не обязательно было кончать Московский университет по юридическому факультету. Даже я, недоучившийся студент Демидовского юридического лицея, и то обратил на это внимание.

– Кто у вас помимо Волжанина занимается расследованием ограбления?

Он назвал инспектора Борина и агента первого разряда Павла Сухова. Этих двоих я знал. Борин, инспектор по Рогожско-Симоновскому району, был опытным работником, начавшим службу в сыскной полиции еще в конце прошлого века. Кажется, он тяготел к монархистам, но это ему не мешало честно работать и при Временном правительстве, и при советской власти. Поэтому, когда я в ноябре семнадцатого занимался чисткой милицейского аппарата, я оставил его на прежней должности. Что же касается Павла Сухова, то это был парень из наших: большевик, недавний рабочий. Во время боев в Москве он командовал отрядом, который вместе с красногвардейцами завода Тильманса сражался на Кудринской площади.

По-юношески суровый и по-юношески же застенчивый, Сухов нравился мне своим максимализмом и поразительной тягой к знаниям. Он интересовался всем: законоведением, коневодством, философией, столярным делом, богословием и производством ситца. К книге он относился с таким же благоговением, с каким верующий относится к иконе. За плечами его было пять или шесть классов гимназии, и среди послеоктябрьского пополнения милиции он считался одним из наиболее грамотных.

– Неплохой выбор.

Дубовицкий был польщен. Он положил решетку с «распилами, идущими снизу вверх», отряхнул руки, тщательно вытер их носовым платком. Платок источал густой запах духов, и Артюхин чихнул.

– Будьте здоровы, – вежливо пожелал Дубовицкий, снисходя к низкому уровню культуры революционных масс.

– Благодарствуйте, – так же вежливо отозвался Артюхин и деликатно высморкался с помощью двух пальцев, изящно отставив мизинец. Пробыв после фронта три месяца в охране царской семьи в Тобольске и «насквозь изучивши придворный этикет», он очень ценил «тонкости и прочую деликатность». – Кровавый царь Николай Александрович и его супруга Александра Федоровна тоже имели склонность к галантерейности, – любезно заметил он и вытер нос обшлагом шинели.

– Хотите зайти в ювелирную мастерскую, Леонид Борисович? – спросил Дубовицкий.

– Обязательно. Надо же побеседовать с вашими сотрудниками. Может быть, им помимо направления распилов еще что-либо удалось установить...

Представитель либеральной интеллигенции поморщился, но промолчал. Рябой монах проводил нас в мастерскую.

Волжанин, нарезавший за столом сало, лениво встал.

– Похарчиться не желаете? – сверкнул он зубами. Чувствовалось, что золотые зубы – его гордость и он не упускал случая похвастаться ими.

– Харчиться мы не желаем, так как находимся при деле, – солидно сказал Артюхин. – А зубы свои из драгоценного металла ты, матросик-курносик, для баб побереги. Нам они ни к чему. Золотые зубы есть наследие прежнего режима, и раскрепощенный народ их в корне отвергает.

Подобного выпада Волжанин не ожидал.

– Серый ты, пехота, в брашпиль твою мать, – сказал он. – Эти зубы, ежели хочешь знать, мне в награду за революционные подвиги вставлены, замест выбитых в кровавой схватке с врагами. Из реквизированного у контры золота. И не для форсу вставлены, а для питания.

Сухов, корпевший над протоколом, засмеялся и подтвердил:

– Не врет. Мне балтийцы говорили.

Мастерская оказалась единственным помещением, где не ощущалось мерзости запустения. Несмотря на беспорядок, здесь было, пожалуй, даже уютно. Люстра, шторы на окнах, мягкие стулья. У стены – лампа, перед ней – лихт-кугель, полый стеклянный шар с раствором купороса и азотной кислоты. Тут же стол-верстак с низким деревянным бортиком и полукруглым вырезом спереди. На нем различные ювелирные инструменты и приспособления: волочильная доска для прокатки золотой проволоки, металлические линейки, совки, ступки, штангенциркули, стальные палочки для чеканки. На другом столе, за которым расположился Волжанин, стояли станочек, напоминающий токарный, но с круглыми щетками, гидростатические весы, ареометр. Противоположная стена была заставлена низкими дубовыми шкафами.

Я обратил внимание на узкий ящик, почти доверху заполненный землей.

– А это для чего?

– Для самоцветов, – прошелестел кто-то у самого моего уха.

Я обернулся – за моей спиной стоял Кербель. Он опять появился неизвестно откуда: то ли вместе с паром из носика кипящего чайника, над которым колдовал матрос, то ли из фарфоровой ступки, которую разглядывал Артюхин. Массивная голова ювелира тихо покачивалась на тонкой шее, не приспособленной для такого груза. Казалось, ему стоит немалых усилий удержать ее в вертикальном положении.

– Вы в цирке не работали?

– Нет, – сказал он, – я в цирке не работал. Мой отец работал на гранильной фабрике в Амстердаме, а потом на ювелирной фабрике в России. И я работал всегда ювелиром. В цирке я не работал.

– Так для чего же этот ящик?

Кербель взял комок земли, размял его пальцами.

– Вы умрете, и я умру. Все люди умирают. А бриллианты бессмертны, – сказал он, обращаясь не ко мне, а к какому-то невидимому собеседнику. – Мне посчастливилось видеть «Саней». Когда-то он украшал шлем Карла Смелого. Когда Карл погиб, какой-то солдат выковырял «Саней» из его шлема и продал за один гульден пастору. Пастор не узнал «Саней» и уступил за полтора гульдена бродячему торговцу... Потом «Саней» был в сокровищнице португальского короля Антона. Им владели Генрих IV, Мария Медичи... Перед тем как достаться русскому императору, он хранился в шкатулке герцогини Беррийской, в железном ящике негцианта Жана Фриделейна, у фабриканта Демидова... У «Саней» была сотня хозяев. Их кости давно сгнили, а «Санси», которому теперь без малого четыреста пятьдесят лет, жив и так же прекрасен, как в день своего рождения... – Бескровные губы Кербеля растянулись в улыбке. Кажется, он был бесконечно доволен, что камни переживают людей.

– Мы говорили об этом ящике, – напомнил я.

– Да, мы говорили об этом ящике, – согласился он. – И я вам сказал, что камни бессмертны. Это правда. Но некоторые из камней стареют и подвержены болезням. Нет, не бриллианты, другие. Теряют свой благородный цвет рубин-балэ, хризопраз, опал, миасские сапфиры... Чтобы вернуть молодость бирюзе, ее кладут в горячую мыльную воду или дают проглотить гусю. Желтые бразильские топазы запекают в хлеб. Но большинство камней лечат сырой землей.

Теперь я начал что-то понимать.

– Земля, – продолжал Кербель, – возвращает самоцветам молодость. Вот, посмотрите. – Он поднес к моим глазам продолговатый темно-розовый камень величиной с крупную фасоль. – Полюбуйтесь на густоту окраски, блеск, игру. Это рубин-балэ, камень, который высоко ценят французские ювелиры и который занимает почетное место в тиаре римского папы. В Патриаршей ризнице три таких камня. Этот украшал посох патриарха Адриана. Еще три месяца назад самоцвет страдал старческой немощью. Я его закопал в землю, вот сюда, в это отделение, и сдобрил землю порошком, который завещал мне отец. И вот он снова молод...

– Во время ограбления ризницы в этом ящике были камни?

– Да, конечно.

– Они похищены?

– Нет. Никто ящика не трогал и не копал землю.

– Среди грабителей не было сведущих в ювелирном деле, – подал голос Борин, прислушивавшийся к нашему разговору.

Не ахти много, но уже что-то...

– Какова приблизительная стоимость похищенных камней? – спросил я у Кербеля.

Он то ли засмеялся, то ли закашлялся:

– Красоту, как и Божью благодать, нельзя исчислить деньгами. Скажите мне, сколько стоят дары Святого Духа, небо, звезды, солнце? Им нет цены.

– Солнце, звезды и дары Святого Духа не выставляются в витринах ювелирных магазинов, – сказал я. – Сколько бы заплатил за похищенные камни торговец ювелирными изделиями?

– Восемь, десять, может быть, двенадцать миллионов рублей, – безучастно сказал Кербель. – Не знаю...

Выяснив, что сведения о «распилах снизу вверх» внесены в протокол осмотра места происшествия, Дубовицкий счел свою миссию законченной. Сославшись на неотложные дела, он

уехал вместе с Суховым и Волжаниным. Незаметно исчез Кербель: то ли ушел, то ли растворился в воздухе.

Артюхин, привалившись грудью к верстаку,пил чай. Пил из блюдца, растопырив толстые волосатые пальцы, прихлебывая и громко хрустя сахаром.

– Извольте для начала протоколы изучить? – не без иронии спросил меня Борин.

– Нет, не изволю. Для начала мы с вами побеседуем.

– Как прикажете. – Борин усмехнулся, выставил вперед свою седоватую бородку. Она у него была такой же ухоженной, как у Дубовицкого. Они вообще походили друг на друга уважительным отношением к своей внешности. Но этим сходство и ограничивалось. Отпрыску захудалого дворянского рода Борину, видно, пришлось испытать немало мытарств и унижений. В отличие от Дубовицкого сей желчный господин хорошо знал, почем фунт лиха. – Почитаю своей обязанностью доложить, что хвастать покуда нечем, – сказал он. – Бумаг преизбыточно, а толку не вижу.

– Преступники не оставили следов?

– Нет, этого я отнюдь не утверждаю. Следов на десять ограблений хватит. Я, к примеру, обнаружил отпечатки пальцев. Господин Волжанин высказал небезынтересную идею об узлах на решетке. Узлы морские, так называемые рифовые. Следовательно, можно предположить, что по меньшей мере один из грабителей сведущ в морском деле. Но что со всем оным прикажете делать? Картоотеками регистрации уголовников мы не располагаем. Они разгромлены толпой еще в марте семнадцатого. Агентуры мы тоже лишились. Господин Дубовицкий считает агентуру позором для русской демократии... И наконец, учтите обстановку в Москве после амнистии, объявленной Временным правительством. Мы не успеваем не только ловить уголовников, но даже регистрировать преступления. Мы беспомощны. До революции мы знали: этот – карманник, и он никогда не будет участвовать в ограблении. Этот – домушник, специалист по квартирным кражам. А нынче карманники занимаются бандитизмом, домушники идут на мокрые дела...

Я дал ему выговориться и достал из кармашка часы.

– А теперь выслушайте меня. Вы, уважаемый Петр Петрович, проговорили пятнадцать минут. – Я постучал ногтем по циферблату. – Ровно пятнадцать, и не сказали почти ничего, что бы представляло практический интерес.

– Позвольте... – начал было Борин, но я его оборвал:

– Нет, не позволю, Петр Петрович. Глубоко сожалею, но вынужден вам напомнить, что вы находитесь при исполнении служебных обязанностей и докладываете обстановку своему начальнику, заместителю председателя Московского совета милиции. На дальнейшее же попрошу учесть, что теперь вы будете работать непосредственно под моим руководством, так как расследование поручено мне. А я привык ценить время и не намерен выслушивать ваши мысли по вопросам, не имеющим касательства к розыску.

Наступило молчание. Артюхин поставил на стол блюдечко с чаем. Борин побледнел, затем лицо его пошло багровыми пятнами.

– Если желаете, можете закурить, – разрешил я. – Говорят, это успокаивает нервы.

Чувствовалось, что бывшему полицейскому стоит невероятных усилий сдержаться. Но он все-таки сдержался: сказала многолетняя закалка. Прежний режим умел воспитывать своих чиновников: даже керенщина и та их не испортила...

– Итак?

Борин достал из стола сломанную шкатулку из пластинок американского зеленого дерева. Она была выложена изнутри гофрированным серым шелком, а снаружи инкрустирована слоновой костью. На светло-зеленой крышке улыбалась обнаженная женщина, в которую целился из лука сдобный, как довоенная булочка, амур. У женщины были длинные стройные ноги. Одной рукой она для порядка прикрывала грудь, а пальцами другой опиралась на выступ скалы.

– Надеюсь, что это представит для вас практический интерес, господин Косачевский?

Шкатулку, вернее ее обломки, инспектор обнаружил в снегу под взломанным окном ризницы. В описи похищенного она не числилась, да и трудно было бы предположить, что вещь со столь фривольным сюжетом являлась принадлежностью ризницы.

– Какие же у вас предположения?

– Для начала следовало бы разыскать хозяина. Работа по кости уникальная, да и герб владельца имеется.

– Вот и займитесь этим. – Я посмотрел на часы. Помощник ризничего сообщил мне, что патриарх Тихон хочет со мной встретиться. Заставлять ждать главу Русской православной церкви было бы невежливо.

Но беседа с Тихоном не состоялась...

4

Чиновник Московской патриаршей конторы остановился в нескольких шагах от моего стола.

– Телефонировал секретарь его святейшества. Патриарх очень сожалеет, что не сможет прибыть в Кремль. Однако он будет рад видеть вас завтра у себя в Троицком подворье. Что прикажете передать?

– Передайте патриарху, что я разделяю его сожаление, – сказал я. – И еще передайте, что прием посетителей в здании Совета милиции ежедневно с трех часов пополудни. Часовой проводит его.

Чиновник озадаченно посмотрел на меня.

– И распорядитесь относительно чернил. Они у вас высохли.

– Красные прикажете? – утвердительно сказал он, видимо полагая, что большевистские комиссары предпочитают все только красное.

– Черные. Самого монархического оттенка. И бумаги.

Разговор этот происходил в большой запущенной комнате, где в ожидании патриарха я собирался подготовить справку об ограблении ризницы для председателя Совета милиции Рычалова.

Комната ничем не отличалась от обычных канцелярских помещений. Половину стола занимали массивный письменный прибор и необходимая принадлежность всех присутственных мест старой России «зерцало» – треугольная призма с наклеенными на ней тремя знаменитыми петровскими указами, учреждающими во веки веков закон и порядок.

«...Всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть, и зело тшятся всякие мины чинить под фортецию правды».

Указы на зеркале пожелтели: их не обновляли с Февральской революции.

Горбатый служитель принес чернила, разлил их по чернильницам. Убедившись, что мне больше ничего не требуется, вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Ни справок, ни докладных записок я раньше не писал. Мне приходилось заниматься пропагандой, сидеть в тюрьме, выступать на митингах, стрелять. Но докладные... К новому роду деятельности я приступил не без опаски, хотя передо мной и лежали эпистолярные образцы Кербеля и Карташова.

«Настоящим ставлю вас в известность, что...» Первая фраза, кажется, получилась, но дальше дело пошло хуже. Путаясь в прилипчивых и вязких «коих», «вышеизложенных» и «нижеуказанных», я испортил несколько листов бумаги, но справку все-таки написал.

Было уже час дня. Позавтракать я не успел. Однако о еде не стоило и думать. Позвонивший в разгар моих творческих мук Рычалов сказал, что ждет меня в два. А это значило, что я должен прибыть к нему не в половине третьего и не в три, а ровно в два, минута в минуту.

Порой мне казалось, что вся жизнь председателя Совета милиции направлена на опровержение известной поговорки, гласящей, что русский час долог. В его представлении этот час ничем не отличался от немецкого или английского и состоял ровно из шестидесяти минут одинаковой продолжительности. Это, разумеется, было заблуждением, которое вытекало из некоторых особенностей характера Рычалова.

Обычно клички в подполье давались по каким-нибудь случайным признакам. Кличка же, под которой был известен Рычалов – Бухгалтер, – намекала на свойственные ему педантизм, пунктуальность и внутреннюю дисциплину.

Познакомились мы в 1904-м, когда он руководил марксистским кружком, который я посещал с товарищем по семинарии. Но сблизились мы лишь в ссылке.

Участие в Декабрьском вооруженном восстании 1905 года в Москве, за которое я был привлечен к ответственности в разгар столыпинской реакции, могло закончиться виселицей. Но мне повезло: двое из свидетелей изменили на суде свои показания, а один, самый опасный, накануне процесса преставился. Короче говоря, я отделался ссылкой.

Следователя приговор разочаровал. Он промучился со мной месяца три и был, конечно, вправе рассчитывать на большее. Это был рыхлый человек, страдавший от полнокровия, семейных неурядиц и несправедливости начальства. А тут еще новая неудача...

«Не расстраивайтесь, – утешил я. – Говорят, на Тобольщине ссыльные как мухи мрут».

«Вы-то не помрете, – печально сказал он. – Молодой да здоровый, кровь с молоком. Чего вам там не жить? Губернский город, интеллигенция, общество трезвости, гимназия... Я сам оттуда родом – знаю. Сибирский Петербург, ежели желаете знать!»

В «Сибирском Петербурге» меня не оставили, а спланировали в село Самарское. Но чувствовал я себя там действительно неплохо. После долгих лет скитаний, когда тюремная камера сменялась конспиративной квартирой, а та вновь камерой, ссылка была заслуженным отдыхом. Поселился я в доме отца Артюхина, Парфентия Сазоновича, мужчины серьезного и основательного. Артюхин-старший содержал кустарную мастерскую, где вместе с сыновьями и зятем изготавливал лучшие в губернии колесные ободья, полозья для саней «на томский манер» и упряжные дуги – они так и назывались «артюхинские». В этой мастерской я и работал, когда в Самарское с новой партией ссыльных прибыл Рычалов.

Я его, конечно, сразу же притащил к себе. Это было утром. А вечером, когда я после работы заглянул к нему, комната уже приобрела сугубо рычаловский вид: ничего лишнего, только самое необходимое. На стене – расчерченный на графы лист бумаги, прикрепленный кнопками (по-моему, Рычалов их привез из Москвы. В Самарском таких кнопок в лавках не было).

«Календарь дня, – объяснил он. – Чтобы не опуститься, следует сразу же организовать свое время. В ссылке особенно нужна самодисциплина».

«Самодисциплина» было любимым словечком Рычалова.

«Как видите, здесь все предусмотрено», – сказал он. Действительно, листок на стене предусматривал все: время утренней гимнастики, завтрака, работы в мастерской, время на изучение иностранного языка, политической экономии и время на общение с товарищами по ссылке. Больше всего меня потрясло, что сну отводилось не шесть или, допустим, семь часов, а шесть часов тридцать минут. Эти тридцать минут меня добились.

«Я бы лично уделил сну не шесть тридцать, а шесть часов тридцать пять минут», – осторожно пошутил я.

«Нет, – серьезно ответил он, – лишние пять минут ни к чему. И этого хватит».

Я не сомневался, что аккуратно вычерченный график жизни полетит ко всем чертям если не через день, то через неделю. Но ошибся. За полгода нашей совместной жизни Рычалов лишь один раз разрешил себе незначительное отступление от «календаря дня». Это произошло, когда готовился побег из Самарского двадцатилетней анархистки, красавицы Розы Штерн. План побега, до мелочей разработанный Рычаловым, предусматривал все мыслимые и немыслимые случайности. Это был образцовый план, и, досрочно расставаясь с Тобольщиной, я многое из него позаимствовал.

Но еще больше поразил меня Рычалов после Октября. Став председателем Московского совета народной милиции, он ни на йоту не отступил от своих принципов. Москву захлестывал бурный водоворот национализаций, конфискаций, муниципализаций, пьяных погромов, митингов, демонстраций, налетов, грабежей, убийств. Совет районных дум жаловался на рост преступности, отдел реквизиции Совдепа требовал секвестра лавок, где нарушались правила торговли, жилищный совет настаивал на немедленном выселении милицией из казенных квартир баствующих государственных служащих, союз дворников просил о выдаче оружия... Пред-

писания, телефонные звонки, посылные, длинные, как зимняя ночь, мандаты, облавы, заседания, совещания...

А на получердачном этаже Московского совета, в бывшей буфетной генерал-губернаторского дома, висел расчерченный на графы лист бумаги – расписание дня председателя Совета милиции. И об этот листок, как о мощный гранитный утес, разбивались бушующие волны требований, указаний, совещаний и заседаний.

Рычалов, кажется, был единственным человеком в Москве, который в этих необычных условиях ухитрялся организовывать свое время и какими-то никому не ведомыми путями делать все, что требовалось от председателя Совета милиции.

Завидовать, конечно, нехорошо, но я завидовал Рычалову.

Я еще раз просмотрел написанную мною справку. Мне показалось, что для начала получилось как будто совсем неплохо. Я расписался и поставил дату.

Из справки Л. Б. Косачевского председателю Московского совета милиции

«...Как видно из прилагаемой описи, составленной ювелиром Кербелем, из Патриаршей ризницы в Московском Кремле похищен, не считая наперсных крестов, жемчуга и драгоценных камней, сто девяносто один предмет. Общая сумма ущерба – тридцать миллионов золотых рублей.

Украдены некоторые оклады икон, золотые и серебряные потиры, панагии иерархов Церкви, змеевидные рукоятки с посохов русских патриархов, кадила, различные вклады царей.

Вырезаны и похищены украшения из шести патриарших митр, четырех саккосов, покровов на гробницы царей. Так, с покрыва Михаила Романова спороты восьмиконечный крест из золотых миниатюрных образков византийской работы и шитая жемчугом кайма зеленого бархата.

Пострадало также имущество Успенского собора, откуда многие вещи были перенесены в Патриаршую ризницу. В частности, похищены ковчеги для риз Иисуса Христа и Девы Марии.

По общему мнению специалистов, почти каждая из вещей представляет большую историческую, художественную и денежную ценность. Однако считаю необходимым выделить из общего числа следующие уникальные предметы, особо отмеченные экспертом уголовно-разыскной милиции, профессором истории изящных искусств Карташовым и ювелиром ризницы Кербелем:

1. ЗОЛОТЫЕ КРЫШКИ С ЕВАНГЕЛИЯ XII ВЕКА

Вес крышек около пуда. На передней изображен распятый Христос, а на другой – двенадцать апостолов. Над головой Христа – остроконечный бриллиант. Само изображение по контуру выделено алмазами. Драгоценные камни имеются также по углам крышек.

Обе крышки с внешней стороны украшены сложным чеканным орнаментом.

2. ПОДВЕСНАЯ ОВАЛЬНАЯ ПАНАГИЯ ИЗ ЦЕЛЬНОГО ТЕМНО-ЗЕЛЕНОГО ПЕРУАНСКОГО ИЗУМРУДА В ЗОЛОТОЙ ОПРАВЕ

Вес изумруда – сорок девять каратов. Панагия, по существу, является камеей – драгоценным камнем с вырезанным на нем выпуклым изображением. Изумруд огранен в форме полого кабошона, то есть блюдечка. С выпуклой стороны на нем изображена сцена Успения Богородицы.

3. СИОН (ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА В ВИДЕ ЦЕРКВИ) XV ВЕКА

Принадлежал Успенскому собору. Нижний ярус круглой церкви образован фигурами евангелистов и апостолов.

Фигуры сделаны из золота. Золотым является также и равносторонний крест с четырьмя сапфирами на вершине сиона.

4. МИТРА (КОРОНА) ПАТРИАРХА НИКОНА

Как известно, Никон, считавший, что «священство царства преболе есть», и сравнивавший духовную власть с солнцем, а царскую всего лишь с луной, отражающей солнечный свет, титуловался «великим государем». Поэтому его митра напоминает и формой и богатством украшений царскую корону (см. рисунок митры, исполненный Карташовым).

Она сделана из золотой парчи, увенчана византийским крестом и имеет жемчужные подвески.

Нижняя часть представляет собой обруч с золотыми, отделанными филиграном пластинками. В центре обруча – на зеленой эмали с белым орнаментом и золотыми контурами восьмиконечного креста – крупный сапфир овальной формы.

В том месте, где митра раздваивается, на узорчатой золотой бляхе – три черные жемчужины (память о трех детях Никона, после смерти которых он и его жена приняли пострижение). По краям бляха украшена пятью большими бриллиантами.

Венчающий митру Никона крест сделан из литого золота. Он укреплен на позолоченной с финифтью серебряной дуге, сходящейся над золотым обручем. В центре креста – большая круглая жемчужина серого цвета.

5. ЗОЛОТОЙ КОВЧЕГ (РЕЛИКВАРИЙ)

Ковчег кубической формы с закругленными углами, украшен белой и голубой эмалью.

На четырех его внешних сторонах – шестнадцать выпуклых золотых медальонов, обрамленных водяными цейлонскими сапфирами, гиацинтами, восточными топазами и благородными гранатами.

6. ЗОЛОТАЯ ПАНАГИЯ НА ЯХОНТЕ; ПОТИР ИЗ ОНИКСА С РУБИНАМИ; НАПЕРСНЫЙ КРЕСТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО; ЗОЛОТАЯ, УСЫПАННАЯ БИРЮЗОЙ РУКОЯТЬ С ПОСОХА ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА, ОТЦА ОСНОВАТЕЛЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА

Описание вышеперечисленных ценностей имеется в списке похищенного.

Сведения о наиболее крупных драгоценных камнях Патриаршей ризницы содержатся в протоколе опроса ювелира Кербеля. Выдержки из протокола прилагаю».

Протокол опроса ювелира Патриаршей ризницы гражданина Кербеля Ф.К., произведенного агентом первого разряда Московской уголовно-разыскной милиции Суховым П.В.

«Гр. Кербелю разъяснено историческое значение происходящих событий, и он своим честным словом обязался перед лицом мирового пролетариата и Российской социалистической революции говорить только правду.

С у х о в. В описи похищенного из Патриаршей ризницы числятся под различными именованиями («Иоанн Златоуст», «Три отрока», «Слеза Богородицы», «Андрей Первозванный», «Схимник» и прочие) самоцветы и жемчужины. Почему они имеют имена и внесены в опись отдельно?

К е р б е л ь. Издавна заведено, что отличающиеся особой красотой и размером драгоценные камни получают имена и прозвища.

С у х о в. Что собой представляют именные камни ризницы? Опишите их.

К е р б е л ь. Алый, равномерной окраски алмаз – редкость. А «Иоанн Златоуст» именно такой алмаз, вернее, бриллиант, потому что огранен и отшлифован.

Чем больше камень, тем меньше в нем игры. Но к «Иоанну» это не относится. Его вес – шестнадцать каратов с четвертью, но своей игрой он превосходит даже пяти-меле – бриллиантик весом менее двух сотых карата.

«Иоанн Златоуст» – бриллиант тройной английской грани с восьмиугольным верхом и низом. Подобного бриллианта в России больше нет...

С у х о в. Расскажите о «Трех отроках».

К е р б е л ь. Это три черные жемчужины-парагоны. Одна из них весит двадцать девять каратов с четвертью, другая – двадцать четыре, а третья – двадцать три и четыре пятых.

Черный жемчуг встречается раз в шестьдесят реже розового и серого. Это определяет его стоимость.

С у х о в. Вы сказали «жемчужины-парагоны». Что такое парагоны?

К е р б е л ь. Парагонами называются жемчужины, напоминающие своими формами туловище человека, цветок, животное. Две парагоны из митры патриарха Никона похожи на человеческие головы, а самая крупная напоминает трехконечный крест египетской формы, то есть букву Т.

С у х о в. «Схимник» – это камень с посоха Филарета?

К е р б е л ь. Да, астерикс с рукояти посоха патриарха Филарета.

С у х о в. В описи указано, что это сапфир.

К е р б е л ь. Да, сапфир. Но сапфиры, на поверхности которых можно разглядеть отливающую жемчужным блеском звездочку, самые ценные среди сапфиров, называются астериксами или итерн-сапфирами. Этот астерикс весит тридцать шесть с половиной каратов. В нем нет ни одного изъяна, которые обычно свойственны корундам – сапфирам и рубинам.

С у х о в. Какого цвета «Схимник»?

К е р б е л ь. У него нет одного цвета. «Схимник» разных цветов. Если смотреть на него сверху днем, он темно-синий, бархатный. Сбоку, в поперечном свете – он зеленый. А ночью при свечах – почти черный.

С у х о в. «Слеза Богородицы» – бриллиант?

К е р б е л ь. Бесцветный бриллиант чистейшей воды с золотого оклада Евангелия XII века. Вес его без малого тридцать один карат.

С у х о в. Почему рубин весом в тридцать восемь каратов числится в описи как «Светлейший»?

К е р б е л ь. «Светлейший» не рубин, а рубин-оникс – он двухцветен. «Светлейший» огранен двойным кабошоном с высоким низом и, таким образом, напоминает куриное яйцо, у которого один конец тупой, а другой заостренный. Верхняя часть кабошона – бесцветная, нижняя – красная. «Светлейшим» он назван потому, что принадлежал когда-то князю Меншикову.

С у х о в. Имеются ли где-либо рисунки или дагерротипы камней и жемчужин, похищенных из ризницы?

К е р б е л ь. Нет. Но если агенты уголовно-разыскной полиции пожелают, они смогут осмотреть мое собрание стразов. В нем имеются имитации всех наиболее крупных камней, хранившихся в Патриаршей ризнице и ризнице Успенского собора.

Записано с моих слов правильно.

Кербель».

Глава 2

Мы не ротшильды, Леонид!

1

Обычно Рычалов выделял для докладов не более пятнадцати минут, считая, что за это время можно изложить суть любого вопроса. Отведенные мне на этот раз полтора часа свидетельствовали не только о значении, которое он придает происшедшему, но и о том, что наша беседа не ограничится лишь моим сообщением.

– Патриарх Тихон тебя принял?

– Нет.

– Видимо, они еще не продумали до конца, как лучше использовать против нас ограбление... Надеюсь, обошлось без инцидентов?

– Оружия не применяли.

– И то хорошо, – сказал Рычалов. – А теперь... Кстати, пока я буду читать твою справку и протоколы, ознакомься с этим. Весьма любопытное дополнение к воззванию Поместного собора...

«Дополнение» состояло из опубликованного в «Русских ведомостях» письма Бориса Савинкова из Петрограда и приветствия патриарху Тихону от Совета объединенных дворянских обществ. «Холодные улицы, мерзлый снег... – писал Савинков, – запустение, желтый туман. Красногвардейцы и немецкие офицеры... Немцы уже не военнопленные. Они – «товарищи»... Вчера мы были рабами царя, сегодня мы – рабы Ленина, завтра будем рабами Вильгельма».

Совет дворянских обществ избегал резких формулировок, но тем не менее главная мысль просвечивала через витиеватые строки достаточно ясно. «Русское дворянство, верное заветам предков, вместе со всем народом, трудившимся над созданием великой, единой, святой Руси, не может идти и не пойдет с теми, кто малодушно видит спасение в нашествии врага и его силе, – уверяли Тихона авторы приветствия. – Вместе с вашим святейшеством мы уповаем, что русский народ с Божией помощью по вашему призыву... воспламенившись любовью к гибнущей родине, сам найдет в себе силы для ее возрождения и самобытного устройства под сению Церкви Христовой».

В сочетании с воззванием Поместного собора получалась довольно стройная контрреволюционная концепция, в которой каждый последующий пункт вытекал из предыдущего.

Люди, ставшие у власти, утверждала она, топчут православную веру, опоганивают народные святыни. И это вполне закономерно, так как сами они чужды православию. Они агенты германцев, которые уже сейчас чувствуют себя в Петрограде как дома. Для спасения Руси необходимо объединение всего народа под сению Церкви. Церковь поведет русский православный народ на борьбу против внешнего врага и большевиков, мечтающих отдать Россию в вечное рабство своим хозяевам немцам. Так и только так можно спасти погибающую родину, свободу и православные святыни.

Церковь – монархисты – эсеры. По отношению к советской власти все они проявляли трогательное единодушие и готовы были тут же протянуть друг другу руки. В этих условиях ограбление Патриаршей ризницы было не только уголовным, но и политическим делом. Да, Рычалов не зря выделил так много времени для нашей беседы: ризница того стоила.

Слушал он меня с напряженным вниманием, иногда делал в своей записной книжке пометки. Когда я закончил, спросил:

– Как ты считаешь, похищенное можно реализовать в России?

– Переплавленное в слитки золото и серебро – наверняка. Мелкие камни – тоже. Что же касается крупных самоцветов... Сомнительно, чтобы кто-либо решился приобрести уникальный красный бриллиант из короны Никона, черные жемчужины-парагоны или, допустим, астерикс с посоха Филарета. Все они слишком хорошо известны. Но поручиться ни за что нельзя. Все зависит от того, в чьих руках оказались сокровища. Во всяком случае, надо будет принять срочные меры, чтобы похищенное не уплыло за границу. Сегодня же я постараюсь поставить в известность о случившемся все губернские разыскные милиции.

– Не постарайся, а сделай, – сказал Рычалов. – Воспользуйся телеграфом. Я договорюсь, чтобы дали вне очереди, правительственным сообщением: информация об ограблении и краткий список похищенного. Что же касается заграницы и помощи в розыске населения, то это мы обсудим завтра на президиуме Совдепа. Проект постановления я уже набросал. «Пункт первый, – прочел он. – Обратиться ко всем гражданам Российской республики за содействием в розыске и возвращении похищенных сокровищ. Пункт второй. В зависимости от ценности той или иной найденной вещи установить вознаграждение до 500 тысяч рублей...»

Сумма вознаграждения явно не соответствовала ценности похищенного.

– Поставь миллион, – предложил я.

Рычалов поморщился. Он всегда осуждал мотовство и когда в шестнадцатом ведал партийной кассой, то выдавал деньги с таким выражением лица, что многие подпольщики предпочитали добывать средства где угодно и как угодно, но не обращаться к Бухгалтеру.

– Мы не Ротшильды, Леонид!

– Знаю.

– И не рябушинские.

– Догадываюсь.

– Кто дал нам с тобой право растрачивать народные деньги? – Он окинул вопросительным взглядом комнату, словно пытаясь обнаружить этого безответственного гражданина, который раздает направо и налево подобные права. – Кто?

– Никто. Но сумма похищенного превышает тридцать миллионов золотых рублей.

– Рабочий все равно откажется от вознаграждения.

– А не рабочий?

– Шестьсот тысяч, – вытолкнул из себя Рычалов.

– Деньги падают в цене с каждым днем.

– Ладно, восемьсот. Восемьсот – и ни копейки больше.

Но на этот раз мне удалось настоять на своем.

– Только учти, – сказал Рычалов, – что на президиуме Совдепа я эту дикую сумму отставить не буду. А теперь третий и последний пункт проекта: «Обратиться через комиссара иностранных дел ко всем странам с предупреждением о совершенном хищении национальных сокровищ и просьбой оказать содействие задержанием их в пограничных районах».

Третий пункт был составлен, разумеется, только для очистки совести: если ценности попадут за кордон, они навеки будут потеряны для России. И, словно прочитав мои мысли, Рычалов сказал:

– На капиталистов рассчитывать не приходится. Какая, к черту, помощь, когда они только и мечтают, как бы разделаться с нами. Ждут не дождутся немецкого наступления...

– Думаешь, немцы решатся?

– Скорей всего да. Армия нужна, Леонид, армия!

– Демобилизацию приостановить уже нельзя.

– Я говорю о новой армии, революционной.

Длинный, худой, он встал, молча прошелся по комнате.

– Ну, что будет завтра, узнаем завтра, а сейчас... Кто все-таки мог ограбить ризницу? Какие у тебя предположения?

Выслушав меня, он начертил на листе бумаги угол. Против одной стороны написал: «Уголовники», против другой – «Шкатулка» и поставил вопросительный знак.

– Итак, два предположения, или, как говорят правоведы, две версии. А третью ты исключаешь?

– Какую?

– погоди, – сказал Рычалов. – Давай рассмотрим факты.

«Рассмотрим факты» – с этих слов он обычно начинал занятия в кружке, молотком вбивая в головы слушателей различные сведения, из анализа которых мог следовать лишь один непреложный вывод. «Во-первых... Во-вторых... В-третьих... В-четвертых... Следовательно...»

– Факт первый, – сказал Рычалов. – Ограбление произошло уже после опубликования декрета о свободе совести. Таким образом, в результате ограбления главный ущерб понесла не Церковь, а трудовая Россия. Похищено народное достояние. Факт?

– Факт.

– Факт второй. Архимандрит Димитрий, на попечении которого находится бывшая синодальная ризница, человек как будто бы добросовестный, две недели не показывается там. А когда обнаруживается кража, архимандрит отнюдь не торопится сообщить о ней властям. Охотнорядцы уже знают об ограблении и даже пытаются устроить погром в связи с мнимой кражей церковных реликвий, а мы не знаем. Ты приезжаешь в Кремль – там корреспондент «Русских ведомостей». Кстати, ты зря его не допросил. Не мешало бы узнать, кто его поставил в известность о случившемся... А теперь третий факт. Помнишь заявление протоиерея Добронравова?

– Об окопах, что ли?

– Да, насчет того, что наступил конец отсиживанию и Церковь должна выйти из окопов. Вот они и вышли... Крестный ход из всех московских церквей «по случаю событий, угрожающих Церкви и родине», всенародный молебен на Красной площади, союзы защиты святынь... И как ты мог убедиться из документов, которые я тебе дал прочесть, у Церкви союзников хватает...

– Это все понятно.

– Против нас теперь используется все: каждая промашка, каждый инцидент. Выгодно в этих условиях для Церкви с политической точки зрения «расхищение святынь»?

– Безусловно.

Соединив стороны угла жирной чертой, Рычалов начал заштриховывать получившийся треугольник.

– То есть ты хочешь сказать, что, возможно, никакого ограбления и не было?

– Да. Третья версия – инсценировка ограбления в политических целях.

– Сомнительно, – сказал я.

Рычалов удивленно посмотрел на меня: он не привык к тому, чтобы члены кружка из предложенных им посылок делали неожиданные для него выводы.

– В отличие от тебя, я хорошо знаю Димитрия. Он бы не пошел на подобное...

Рычалов развел руками:

– Война есть война. Но как бы то ни было, а эту гипотезу проверить следует. Надеюсь, тут у тебя возражений нет?

В этом я с ним был согласен.

– На Дубовицкого рассчитывать нельзя? – утвердительно спросил он.

– Дубовицкий – пустое место. Но хуже другое: уголовный розыск не имеет опорных пунктов ни на Хитровке, ни на Сухаревке. Как ни странно, я боюсь, что проверка версии относи-

тельно уголовников окажется наиболее трудной. Придется в основном действовать методом облав и повальных обысков.

– Да, жаль, что мы упустили то дело, – сказал Рычалов. – Обидно. Если бы мы тогда занялись всерьез, то не оказались бы в таком положении. Ведь само в руки шло...

Рычалов подразумевал события весны прошлого года, когда Москву обошло воззвание, составленное группой амнистированных уголовников. «Товарищи воры и грабители! – писалось в нем. – Мы живем сейчас, как травленные звери, принужденные насилием добывать себе пропитание или помирать от голода, ибо «честные» и сытые не допускают нас к честному труду... Товарищи, надо нам сообща обсудить наши дела и недуги, надо найти выход, создать свою организацию, свою газету, надо порвать с жизнью преступлений и травли». Воззвание заканчивалось предложением созвать митинг в Харитоньевском рабочем доме.

Этот митинг, на котором помимо амнистированных были представители различных партий и профсоюзов, состоялся в начале мая. Присутствовал на нем и Рычалов. По его словам, там имела группа людей, с которыми, безусловно, стоило поговорить. К сожалению, многочисленные события и заботы тех напряженных для большевиков дней помешали Рычалову сразу заняться этим делом, а потом уже было поздно...

Свою газету амнистированные не создали, к честной жизни приобщились немногие. Зато к июню на Хитровом рынке возникло Общество отщепенцев, а несколько позднее – Союз анархистской молодежи. Следовало отдать должное Московской федерации анархистов, которая за несколько месяцев, прошедших после митинга, сумела пустить корни не только на Хитровке, но и на Сухаревке, Грачевке, Верхней и Нижней Масловке. Влияние там анархистов особенно усилилось после случая в Арсеньевском переулке, когда член Московской федерации анархистов Лашков, защищая четырех воров от самосуда, был убит вместе с ними расстрелянной толпой. В похоронах Лашкова участвовало не менее двухсот бывших (и не только бывших) уголовников, а среди многочисленных венков выделялся своей величиной и пышностью венок, присланный неуловимым и всемогущим атаманом Хитрова рынка. На широкой черно-красной ленте золотыми буквами было написано: «Борцу за демократические права уголовно-амнистированной России, незабвенному товарищу Лашкову от братьев и сестер по классу». Сам атаман, по понятным соображениям, на траурный митинг не явился, его заменял выступивший с прочувственной речью Сережка Бок, который, отметив заслуги покойного в святом деле социальной справедливости, предрек новую «анархо-социальную» революцию, при осуществлении которой «трудовые массы люмпен-пролетариев под водительством товарищей анархистов перервут своими мозолистыми руками глотку не только крупной, но и самой мелкой буржуазии».

– Да, жаль, что мы тогда упустили Хитровку, – сказал Рычалов. – Но тут уж ничего не поделаешь. Кстати, об анархистах. Ты нашу старую приятельницу Розу Штерн давно видел? Мне кто-то говорил, что она занимается пропагандой среди люмпенов и прочих социально запущенных.

Штерн я видел дней десять назад, когда в недрах Московской федерации анархистских групп возник смелый проект о ликвидации тюрем (их предлагалось превратить в музеи, повествующие о гнете царизма), а заодно и милиции. Роза сопровождала посетившего меня заведующего отделом пропаганды федерации низкорослого человека с наивными глазами младенца, которого называли Пол-Кропоткина. Немного смущаясь от того, что надо растолковывать такие элементарные вещи, он популярно объяснил мне, как после подобной акции возрастет в массах авторитет большевиков. Роза же заявила, что федерация берет на поруки всех бывших заключенных и полностью отвечает за них своей революционной совестью.

Для начала я познакомил их со сводками уголовно-разыскной милиции, которые свидетельствовали о стремительном росте преступности. Пол-Кропоткина с состраданием пожал

плечами: что возьмешь с «государственника», который видит лишь «фантики» и не в состоянии взглянуть на проблему с высоты птичьего полета?

«А по существу?» – сверкнула своими глазами, которые так нравились Рычалову, Роза.

«По существу» я, разумеется, возражал. Я сказал, что из уважения к идейным анархистам никак не могу всерьез обсуждать этот по меньшей мере легкомысленный проект.

«А тебе известно, что в Брянске анархисты освободили всех уголовных заключенных?» – перешла в наступление Роза.

«Известно. Теперь там обыватели боятся выходить на улицу».

Пол-Кропоткина, который с самого начала не ожидал от меня ничего хорошего, с горьким удовлетворением кивнул. Но Роза была явно разочарована.

«Это окончательно?» – со свойственным ей темпераментом спросила она.

«Увы! – вздохнул я и галантно добавил: – При всей симпатии к тебе ничем не могу быть полезным».

Так мы и расстались...

Слушая меня, Рычалов тихо посмеивался, а когда я закончил, спросил:

– Чего ж ты мне об этом не рассказывал?

– Потому что у тебя такие сообщения расписанием дня не предусмотрены.

– Это верно, – согласился он и встал из-за стола. – Каждый день в это время будешь мне сообщать о ходе расследования.

Кажется, у него в запасе осталось еще несколько секунд. Во всяком случае, он пожелал мне успехов и посоветовал перекусить в буфете Совдепа («Ты обязательно что-то должен был не успеть. Наверное, не пообедал, а?»).

2

Сухов позвонил мне по телефону в Совет милиции как раз в тот момент, когда я пытался убедить уполномоченного профсоюза милиционеров, что его требования о введении восьмичасового рабочего дня и повышении зарплаты работникам милиции по меньшей мере несвоевременны.

– Имеются новости, товарищ Косачевский! – выпалил Сухов, и по его тону я понял, что новости, о которых он хочет мне сообщить, заслуживают внимания.

Оказалось, что при облаве на Сухаревке задержан некий барыга, то есть скупщик краденого, у которого обнаружены драгоценные камни, имеющие сходство с похищенными в Патриаршей ризнице. Барыга, правда, отказывается сказать, где и у кого он их купил. Но барыгу допрашивает Волжанин, а в успехе Волжанина Сухов не сомневается. Не сомневался он и в том, что среди изъятых драгоценностей – бриллианты «Слеза Богородицы» и «Иоанн Златоуст».

– Я тут целый час с лупой возился, – ломким юношеским баском говорил он. – Все точно.

– Что точно?

– Грани.

– Какие грани?

– Обыкновенные, товарищ Косачевский, какие положены. Помните протокол опроса Кербеля?

– Вы что, грани пересчитывали?

– А как же, – подтвердил Павел. – Дважды пересчитал. И жемчужина тут. Здоровая такая, с грецкий орех...

– Значит, договорились? – настырно спросил меня профсоюзник, как только я повесил на рычаг телефонную трубку и дал отбой. Этот въедливый парень, один из организаторов забастовки милиционеров в эпоху Временного правительства, не привык уходить с пустыми руками.

Я приказал дежурному по Совету милиции вызвать автомобиль.

– О чем договорились?

– Об удовлетворении демократических требований милицейских масс.

– Об этом – да, договорились. Как только «милицейские массы» ликвидируют банды Котова, Кошелькова, Мишки Чумы, Сабана, Козули, Девятку смерти и попрыгунчиков, все требования будут удовлетворены.

Он вскочил со стула:

– Издеваетесь? Теперь не керенщина!

– Вот именно не керенщина, – подтвердил я. – Церемониться с саботажниками и демагогами не будем. В случае попытки организовать забастовку хотя бы в одном из комиссариатов Москвы будете немедленно арестованы и отправлены в революционный трибунал. Вам все ясно?

Он не ответил, но мне почему-то показалось, что теперь ему все ясно. Это впечатление у меня еще более укрепилось, когда он молча и почтительно проводил меня до автомобиля.

В дежурке уголовного розыска было серо от табачного дыма. Бесперывно звонили телефоны: «час убийств» уже наступил...

За широким деревянным барьером теснились задержанные во время очередной облавы. Ругались, плакали, били вшей. Кто-то, аккомпанируя себе на расческе, пытался петь. В задних рядах резались в карты. Пожилой милиционер в расстегнутом на груди френче, вытирая платком мокрые от пота щеки, напрасно пытался навести порядок.

– Граждане временно изъятые, – монотонно повторял он, – па-апрашу не гоношиться! Вы в милиции, а не на балу, граждане временно изъятые!

Но «временно изъятые граждане» не обращали на его призывы никакого внимания.

В углу, там, где двое красногвардейцев из боевой дружины уголовного розыска разбирали станковый пулемет, я заметил Сухова.

– Я вас уже давно жду, товарищ Косачевский, – сказал он и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая – широкая, добрая. Улыбались не только губы, но и глаза, и розовеющие при улыбке щеки. Я так никогда не умел улыбаться. А жаль: улыбка человека – память о его детстве. Но о своем детстве я вспоминать не любил, разве что об архимандрите Димитрии. Впрочем, тогда он еще не был архимандритом...

– Эти что, с Сухаревки?

– Нет, тех уже просеяли. Это со Смоленского, только привезли.

– Как там дела у Волжанина?

– Не шибко... – немного замявшись, сказал Павел, и я понял, что «Сухаревский орешек» оказался тверже, чем они оба предполагали.

Когда мы вошли в его кабинет, Сухов достал из железного ящика засаленный мешочек, развязал стягивающую его тесемку и высыпал на стол содержимое.

В плохо освещенной комнате на грязном сукне стола самоцветы не производили впечатления: стекляшки стекляшками.

Не поражал воображения и знаменитый «Иоанн Златоуст», которому Кербель посвятил свои стихи в прозе, названные Суховым протоколом опроса. Откатившийся под тень стаканчика с карандашами, как раз в то место, где на сукне темнело большое чернильное пятно, красный бриллиант выглядел жалко и сиротливо.

– «Иоанн Златоуст»? Гм... – с сомнением сказал я и ткнул кончиком карандаша в камень.

Павлу, видимо, не понравилось мое фамильярное отношение к бриллианту, и он осторожно отобрал у меня карандаш.

– А почему вы, собственно, решили, что это «Иоанн Златоуст»?

– Ну как же, товарищ Косачевский... Я дважды все грани пересчитывал.

– Грани гранями, а...

– Да вы поглядите, какая игра. Как у пти-меле, – щегольнул он ювелирным термином.

Сухов осторожно, словно опасаясь раздавить или помять камень, взял бриллиант двумя пальцами и поднес его к лампе.

– Видите? – Действительно, неказистая стекляшка преобразилась: вспыхнула, загорелась, заструилась между пальцами алой рекой. – Ну вот видите, а вы сомневались, – удовлетворенно сказал он и так же осторожно, как брал, положил бриллиант на прежнее место.

Красный камень покоился на том же чернильном пятне в тени стаканчика с карандашами. Но теперь почему-то он не казался мне обычной стекляшкой. Теперь он воспринимался уже как бриллиант «цвета голубиной крови». Его огни не погасли, просто их свет стал мягче, не таким ярким и режущим, как секунду назад.

– Товарищ Косачевский, а кем был Иоанн Златоуст? – нерешительно спросил Сухов.

– Отец Церкви, святой, архиепископ Константинополя.

– Я не о том. Это я знаю. Это мы на уроках Закона Божьего учили.

– А что вас интересует?

– Ну, вообще...

Кажется, Сухов хотел выяснить социальное происхождение Златоуста и его политическую платформу.

– Из обеспеченной семьи, но достаточно прогрессивных для четвертого века взглядов, – серьезно сказал я.

– Прогрессивных? – поразился он.

– Вполне. Считал, например, труд основой общественного благосостояния. Выступал против рабства, обличал богатых и знатных. А в своих проповедях говорил, что все люди по

природе своей равны между собой и что бедные обездолены из-за ненормального устройства общества.

Сухов был озадачен. Видимо, преподаватель Закона Божьего, рассказывая о Златоусте, не считал нужным говорить об этом.

– Ну и ну! Выходит, Златоуст к революции призывал?

– Нет, так далеко он не заходил, – не удержался я от улыбки. – Архиепископ Константинопольский был просто филантропом и либералом. Златоуст пытался убедить богачей поделиться с бедняками. «Многие осуждают меня за то, что я нападаю на богачей, – говорил он, – но зачем они несправедливы к бедным? Обвиняю не богача, а хищника». Так что к большевикам он бы не примкнул...

Сухов засмеялся:

– К кадетам бы подался?

– Скорей всего.

– Чудно, – сказал Сухов и спросил: – Дать вам лупу?

Кажется, он не сомневался, что я последую его примеру и займусь подсчетом граней.

– Думаю, нам лучше довериться ювелиру ризницы. Сейчас тут немного разберемся и поедem к нему в гости. Вы этого барыгу, которого Волжанин допрашивает, раньше знали?

– Малость знал. Пушкин он по фамилии, Иван Федорович. Барахольную лавочку на Сухаревке содержит – чуйки, поддевки, портки.

– Раньше попадался на скупке драгоценностей?

– Был такой случай. Когда в декабре Мишка Мухомор очистил витрину ювелирного магазина Гринберга на Кузнецком – помните? – мы с ним и свели первое знакомство. При обыске тогда девять золотых колец изъяли. Потому сегодня и заглянул к нему по старой дружбе... Камни у него в этом мешочке хранились...

– А что он говорит?

– То, что все говорят: купил у неизвестного.

– Но такие драгоценности в лавочку не каждый день приносят. Внешность «неизвестного» он описал?

Сухов усмехнулся. Складывая камни в мешочек, сказал:

– А чего ему не описать? Описал. Москва большая. Ищи-свищи. Он воробей стреляный: знает, где зерно, а где мякина.

– Связи его установлены? Я имею в виду клиентуру.

– Да Пушок со всеми связан, товарищ Косачевский. К нему «деловые ребята» со всех концов Москвы товар носят. Он из крупных барыг, на богатых. Если б, говорят, не жадность, то давно бы мог со своей лавочкой распрощаться и доходный дом купить.

– Мишка Мухомор в тюрьме? – спросил я.

– Уже гуляет. Его в клоповнике, учитывая пролетарское происхождение, всего месяц продержали.

– В Москве он?

– По правде сказать, не знаю. Мы же все больше наугад работаем: тут ткнул – там ткнул. Попал – не попал, взял – не взял...

– Вы все-таки выясните, где сейчас Мухомор.

Кабинет Волжанина находился рядом. Вид у лихого матроса был скучноватый. Взглянув на меня, он указал на сидящего против него лысого человека и сказал:

– Вот, товарищ Косачевский. Допрашиваю вышеозначенного гражданина.

– Надеюсь, мы вам не помешаем?

Волжанин промолчал, а «вышеозначенный» заулыбался:

– А чего нам мешать? Какие такие секреты? Все начистоту, по правде, по совести. Как говорится, где просто, там ангелов со сто, а где хитро, там ни одного.

– Все крутит? – спросил Сухов у матроса.

– Крутит, в брашпиль его мать, – выругался Волжанин. – Попался бы он мне в Кронштадте в семнадцатом...

– Это кто крутит? – с интересом спросил барыга.

– Ты крутишь.

С видом крайнего изумления он поочередно посмотрел на каждого из нас и всплеснул руками.

«Вышеозначенный» изображал добропорядочного обывателя, который впервые оказался в милиции и никак не может уразуметь, чего от него хотят. Честно жил, честно трудился, в поте лица добывал хлеб свой – и вот, пожалуйста. Взяли, схватили, привезли, допрашивают... А за что, спрашивается, за какие грехи? Ну если б еще старорежимные полицейские, фараоны, а то ведь свои, можно сказать, родные. И это недоумение выливалось в бурный поток слов.

– Товарищ революционный матрос, – с надрывом говорил Пушкив, – ежели вы имеете хоть долю сомнений в моей преданности народной власти, казните меня своей рабоче-крестьянской рукой. Казните, дорогой товарищ матрос. Казните безо всякой жалости и сожаления. Как муху заразную раздавите, как вшу или иную какую микробу. Лучше мне принять мученическую смерть через расстреляние, нежели выслушивать ваши очень даже обидные намеки. Верьте – нет, а как на духу вам все рассказал. Ничего не утаил. В чем виновен – виновен, в чем нет – в том нет.

– Как же, дождешься от тебя правды, – вставил Волжанин.

– Во! Во! – как будто даже обрадованно завопил Пушкив, трясая лысой головой и поглядывая на нас хитрыми глазками. – Опять намекаете. Очень даже обидно намекаете. А за что? Не знаю я того босомыжника, в смысле уголовного гражданина, что камни принес. Незвестный он мне. Впервой его, на свою беду, увидел. А теперь вот муку мученическую за то принимаю, крест тяжкий на Голгофу несу...

– Ты понесешь! Как же! Ты и на Голгофу ухитришься на чужом горбу влезть. Чуждый ты социальный элемент, Пушкив! А коли поглубже копнуть – контрреволюционер.

– Товарищ революционный матрос!..

– Ну что, что скажешь?

– Незвестный он мне, – всхлипнул барыга. – За что же вы меня всячески обзываете и намеки делаете? Какой, позвольте полюбопытствовать, я есть контрреволюционер при своем сиротском происхождении?

Матрос, которого «вышеозначенный» мытарил никак не меньше двух часов, хрипло вздохнул, глаза его приобрели свинцовый оттенок.

– Ты же, «сирота», лавочку имеешь.

Пушков высморкался в большой пестрый носовой платок, вытер глаза.

– Лавочку? – Он выпрямился, и голова его оказалась как раз под низко висящей электрической лампой. Вокруг лысины образовался сияющий нимб. Апостол, да и только! – Лавочку?.. Дайте мне бумаги и чернил, товарищ революционный матрос! – решительно потребовал он.

– Это еще для чего?

– Для прошения, товарищ революционный матрос!

– Какого такого прошения?

– Желаю отказаться от всякой частной собственности. Пушай власти леквизируют у меня лавочку, а вместе с ею и шесть сиротских младенческих ртов, коих эта лавочка кормит. Пушай! Не желаю больше слушать ваши обидные намеки. Пушай эти граждане засвидетельствуют: требую бумаги и чернил!

Лицо матроса побелело.

– Издеваешься?

– Требую бумаги и чернил! – взвизгнул Пушкив.

Это была та самая капля, которая переполняет чашу.

У Волжанина внезапно судорогой дернулся рот, обнажив золотую подкову зубов, а рука легла на крышку коробки маузера.

– Я тебя, гада...

Пушков, втянув голову в плечи, готов был в любой момент нырнуть под стол. К матросу подскочил Сухов:

– Брось! Ты что, с ума сошел?

– Я тебя, гада...

– Успокойтесь и возьмите себя в руки! – резко сказал я.

– Что? – Волжанин со свистом выдохнул воздух и поднял на меня мутные, ничего не понимающие глаза.

– Возьми себя в руки, – повторил я.

– Пристрелю гада, – тихо сказал матрос. – Самочинно к стенке поставлю.

– Ну, ну, – положил ему руку на плечо Сухов. – Не психуй.

«Вышеозначенный», настороженно наблюдавший всю эту сцену, понял, что пронесло, и вытер платком вспотевший затылок. Он был сильно напуган. В его расчеты не входило доводить матроса до бешенства.

– А ведь детишки-то могли осиротеть, – сказал я барыге, когда его уводил конвойный.

Он зло ощерился:

– Для вас все одно: что вошь, что человек.

Кажется, Пушков был из тех, кто любит, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

«А Волжанина придется от дальнейших допросов отстранить, – подумал я. – Лазать по трубам и учинять следствие – не одно и то же».

3

Кербель снимал квартиру в одном из арбатских переулков в бельэтаже мрачного кирпичного дома, выходящего фасадом во двор. На окнах были стальные решетки: видимо, ювелир не очень-то привык доверять полиции.

На обитой желтой кожей двери блестела табличка: «Кербель Федор Карлович».

Сухов энергично дернул за сонетку – до нас донесся звук колокольчика и лай собаки. Потом женский голос с сильным иностранным акцентом долго допытывался, кто мы, откуда и с какой целью желаем видеть Федора Карловича. Затем те же вопросы повторил сам хозяин. Он же открыл нам дверь.

– Прошу очень извинить, господа, что заставил вас ждать. Очень прошу извинить... Ганс, прекрати! Ты совсем невежливый, Ганс. Разве я тебя не учил, как надо встречать гостей? – сказал Кербель большому, стриженному подо льва черному пуделю, который зарычал на Сухова. Ювелир одной рукой взял пуделя за ошейник, а другой почесал у него за ухом. – Проходите, господа, Ганс не кусается, – сказал он. – Ты же не кусаешься, Ганс? Нет? Просто Ганс старый ворчун. Он ворчун, и он не любит запаха... – Кербель замялся. – Проходите, господа.

Сухов посмотрел на свои сапоги, смущенно хмыкнул:

– Не воспринимает дегтя?

– Нет, нет, не дегтя. Он деготь любит. Он только не любит крови и оружия...

Сухов отодвинул скалившую зубы собаку:

– Кровью не я, кровью время пахнет. А оружие... Без него не обойдешься. Так что пусть кобелек привыкает к запаху оружия. Люди к нему уже привыкли.

– Он привыкнет, – заверил Кербель и нагнулся над собакой. – Ну, ну, Ганс, хватит. Перестань. Господа не будут тебя убивать. Это добрые господа. Хочешь цукер? – Он достал из кармана шлафрока кусочек сахара и осторожно положил его на нос собаки. Пудель ловко подбросил сахар и поймал его зубами. – Вот и умница. А теперь иди спать, Ганс.

С пуделем Кербель говорил не тем бесцветным шелестящим голосом, каким он беседовал со мной в Патриаршей ризнице, а нежно и заискивающе; так говорят взрослые с детьми, если пытаются загладить перед ними свою вину.

В конце длинного полутемного коридора я заметил женщину. У нее было такое же шуплое, как и у ювелира, туловище и непомерно большая голова. Видимо, она и вела с нами переговоры через дверь.

– Матильда! – окликнул ее Кербель.

Женщина робко, будто даже с опаской подошла к нам.

– Предложи господам раздеться и пригласи их в гостиную. Я сейчас приду.

Женщина сделала «господам» книксен, и тяжелая голова ее качнулась вперед, а затем маятником закачалась на узких плечах.

– Я есть Матильда Карловна, – улыбнулась она, показав нам свои редкие и желтые зубы. – Федор Карлович есть мой любимый брат.

– Очень приятно, – галантно сказал Павел, который никак не мог приспособиться к обстановке и чувствовал себя неудобно.

– Господа будут любезны раздеться?

Она попыталась помочь Сухову снять полушубок, но тот поспешно стащил его сам, а потом долго и тщательно вытирал ноги.

– Прошу, господа, как выражаются русские, к нашему шалашу.

Она провела нас в большую комнату с высоким лепным потолком, где почти не было мебели, а вдоль голых стен тянулись длинные и узкие витрины. Под толстыми зеркальными

стеклами на бархатных подушечках лежали неестественно большие бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры.

– Стразы? – спросил я, остановившись у одной из витрин.

– Да, это есть стразы, – подтвердила она. – Федор Карлович делал их много лет. Он много трудился. Если бы все эти камни были настоящими, мы были бы самыми богатыми людьми в Европе и Америке. Ротшильды были бы перед нами... – как это сказать? – нищими. Да, совсем нищими. Они были бы бедными перед нами. А теперь мы бедные перед ними, потому что все это есть стразы, стекла. Но пожалуйста, берите стулья и кресла. Немен зи плятц. Прошу вас.

Я сел, но Павел моему примеру не последовал: он прилип к витринам. Сестру Кербеля это умилило.

– О, вам нравятся стразы!

– Ничего, красивые штуковины, – сказал Сухов.

– Да, да, очень красивые штуковины, – закивала Матильда Карловна. – Они совсем как настоящие. Федор Карлович делает хорошие стразы. – Она включила вмонтированные в витрины электрические лампочки – и стразы вспыхнули тысячами огней. – Вы тоже посмотрите на эти штуковины? – обратилась она ко мне.

Я сильно устал за день, и мне не хотелось расставаться с мягким удобным креслом, но я все же встал и подошел к ним.

– Вот здесь самые красивые и самые большие бриллианты мира, – говорила она, постукивая по стеклу деревянной указкой, напоминающей дамский бильярдный кий. – «Великий Могол», «Звезда Африки», «Империял», «Низам», «Стюарт», «Раджа Матанский», «Кохинур», «Граф Орлов», «Великий герцог Тосканы», «Саней»... И у каждой штуковины есть своя биография.

– Вроде как у человека? – вставил Сухов.

– Да, да, как у человека. Как теперь говорят? Социальное происхождение.

Павел засмеялся:

– Бриллиант-буржуй, бриллиант-пролетарий и бриллиант-монархист?

– Да, да, – заулыбалась Матильда Карловна. – И все это социальное происхождение Федор Карлович записал о каждом бриллианте. Он хотел издать такую книгу. Но произошли война и революция...

– А вот этот, к примеру, кто? – спросил Сухов, указывая пальцем на бриллиант под стеклом.

– У этой штуковины два имени. Его зовут «Регентом» и «Питтом».

– А кто он, пролетарий или буржуй? – пошутил Сухов.

– «Питт» – аристократ, – серьезно и даже благоговейно ответила Матильда Карловна.

– Голубых кровей?

– Да, у него голубая кровь. Он аристократ. Но нашел его невольник. Он очень не хотел отдавать такую большую штуковину своему хозяину...

– Но пришлось?

– Нет. Невольник спрятал эту штуковину.

– Во рту, что ли?

– Нет, рот на рудниках осматривали. В рот нельзя было прятать. Он спрятал в ноге.

– В ноге?

– Да, да. Он разрезал ногу и спрятал бриллиант в ране. Это был хитрый невольник, и он договорился с матросом, чтобы тот его увез. Он обещал за это матросу половину – как это? – выручки от продажи бриллианта. И матрос согласился. Но матрос был еще хитрей, чем невольник. Он понимал, что целое больше половины. Матрос убил невольника, забрал бриллиант и столкнул труп в море.

– А потом? – с интересом спросил Сухов.

– А потом матрос продал бриллиант губернатору Питту за тысячу фунтов стерлингов. Матрос думал, что тысяча фунтов – это очень много, но ювелиры ему объяснили, что за такой бриллиант это очень мало. И матросу стало грустно. Он и раньше был пьяницей, а теперь стал еще большим пьяницей. Он пил шнапс и утром, и днем, и ночью. А когда денег не осталось, он снова пошел к Питту. Но Питт приказал его прогнать. Тогда матрос попросил у своего товарища в долг деньги, купил большую бутылку рома и всю ее выпил. Он ругал Питта свиньей за то, что Питт его обманул, а потом ему стало совсем грустно, и он повесился на веревке. А Питт был умным человеком и хорошо понимал в камнях, поэтому он продал купленный у бедного матроса бриллиант за три миллиона семьсот пятьдесят тысяч франков регенту Франции герцогу Орлеанскому. А когда во Франции началась революция, бриллиант «Регент» был украден вместе с другими сокровищами короны. Французам тогда было некогда любоваться на бриллианты, они любовались на гильотины. А потом полиция нашла бриллиант. У правительства Франции тогда было очень мало денег, и оно заложило бриллиант за границей. Его выкупил император Наполеон, но он тогда еще был не император – он тогда был первый консул. «Регент» сверкал на шпаге Наполеона, когда Наполеон воевал, а Наполеон много воевал. Наполеон думал, что этот бриллиант ему приносит счастье. Но в битве при Ватерлоо Наполеона очень побили, и бриллиант «Регент» попал к храбрым пруссакам. Теперь он у кайзера Вильгельма.

Кажется, ювелирно-просветительская деятельность была семейной страстью Кербелей. Сухов слушал как зачарованный.

– Матильда Карловна, – довольно бесцеремонно прервал я рассказ хозяйки, – а где тут камни Патриаршей ризницы?

Она не обиделась.

– О, пожалуйста, пожалуйста! Я слишком много говорю. Очень извините. Сюда, пожалуйста.

Она подвела нас к витрине, находящейся рядом с окном, отбросила прикрывающую стекло витрины шторку:

– Вот эти штуковины есть камни с тиары римского папы, а эти – из Патриаршей ризницы.

– Это «Иоанн Златоуст»? – Павел наклонился над витриной и впился глазами в красный камень.

– Да.

– А «Слеза Богородицы»? – спросил я.

– Вот она.

Когда я собирался задать очередной вопрос, рядом с нами уже стоял Кербель. Он переоделся. Теперь на нем был не шлафрок, а темный, неопределенного цвета глухой сюртук.

– Ганс уснул, – сказал он.

– Вы нас успокоили.

Почувствовав в моем голосе иронию, Кербель долго и изучающе смотрел на меня:

– Вы не любите собак, господин Косачевский?

– Нет, почему же? Но я привык отдавать предпочтение людям.

– Людям? – удивился он.

– Да, по крайней мере, некоторым...

– Конечно, конечно... Ближнего своего надо любить, как самого себя. Так завещал всем нам Богочеловек, – довольно равнодушно произнес Кербель. – Конечно. Это главная заповедь. Надо любить людей, – повторил он и вздохнул. По его лицу можно было понять, что осуществление этой заповеди – дело для него важное, но трудное, почти непосильное.

Кербель открыл замочек, запиравший витрину, в которой хранились стразы, изображавшие камни Патриаршей ризницы, поднял стеклянную крышку.

– Я вам отдам все эти стразы. Если ваши агенты найдут похищенные камни, они смогут их сравнить.

– Да, да, – энергично подтвердила Матильда Карловна. – Эти штуковины совсем как подлинные.

– Часть похищенного мы уже нашли, – веско сказал Сухов.

Глаза ювелира округлились и заполнили выпуклые стекла очков. Он так тяжело дышал, что я стал опасаться, как бы его не хватил удар. Кажется, то же опасение испытывала и Матильда Карловна. Она поспешно усадила брата в кресло.

Сухов не без торжественности извлек из кармана галифе свой непрезентабельный мешочек.

Кербель попытался развязать тесьму, но не смог: руки его не слушались.

– Матильда! Что ты стоишь, Матильда? Развяжи, Матильда!

Я отобрал у Кербеля мешочек, развязал, положил «Иоанна Златоуста» на влажную от пота ладонь ювелира.

Рука Кербеля судорожно сжалась в кулак. Кажется, он хотел, но никак не мог распрямить пальцы. Наконец ему это удалось. Он долго с каким-то странным выражением смотрел на бриллиант, склонив набок свою большую голову. Потом легонько подбросил камень на ладони. Раз, другой...

– Ты пойдешь к себе в кабинет осматривать эту штуковину? – прервала молчание Матильда Карловна.

– Нет, я не пойду к себе в кабинет осматривать эту штуковину. Принеси мне алюминиевый карандаш.

Когда сестра принесла белый металлический стерженек, он провел острым концом по камню. На самоцвете засеребрилась узкая маленькая полоска.

– Ты видишь?

– Да, да, – закивала та.

– Тогда заberi это. – Он отдал ей камень и стерженек.

Ни я, ни Сухов не понимали, что, собственно, происходит.

– Нет, – сказал Кербель, обращаясь к нам.

– Что «нет»? – спросил Павел.

– Нет, это не «Иоанн Златоуст».

– А как же называется этот бриллиант?

– Это не бриллиант, господа. Нет, не бриллиант.

– А что же?

– Страз. Только страз.

– Да не может быть!

– Я не знаю, что может быть, а чего быть не может. Но это не бриллиант. Я немножко умею отличать стразы от бриллиантов.

– Посмотрите, пожалуйста, еще, – совсем по-детски попросил Сухов.

– Если хотите, я посмотрю еще. Но зачем?

***Из протокола опроса ювелира Патриаршей ризницы Ф.К.
Кербеля, произведенного заместителем председателя
Московского совета народной милиции Л.Б. Косачевским***

«К о с а ч е в с к и й. Как отличают поддельные камни от настоящих?»

К е р б е л ь. Стразы изготавливаются из свинцово-борного стекла. Поэтому они тяжелее бриллиантов. А определить удельный вес камня без оправы может каждый. Кроме того, стразы значительно мягче алмаза. На них оставляют царапины и кварц, и топаз, и корунд.

Если по бриллианту провести карандашом из алюминия или магния, на нем следа не останется, а на стразе будет след. Стразы, которые вы принесли, хорошие стразы, и я сомневался до тех пор, пока не увидел полоску от карандаша.

К о с а ч е в с к и й. Есть ли какое-либо сходство между похищенными из ризницы бриллиантами и этими стразами?

К е р б е л ь. Все четыре страза – копии с похищенных камней.

К о с а ч е в с к и й. Может ли это быть случайным совпадением?

К е р б е л ь. Нет.

К о с а ч е в с к и й. Почему?

К е р б е л ь. Страз, имитирующий «Иоанна Златоуста», в деталях повторяет украденный бриллиант. Точно изображены особенности не только верхней части камня-коронки, но и нижней – павильона. То же относится и к «Слезе Богородицы», где передана скошенность пирамиды, и к двум бриллиантам из оклада образа Георгия Победоносца.

К о с а ч е в с к и й. Вы хотите сказать, что человек, изготовивший стразы, видел бриллианты без оправы?

К е р б е л ь. Да.

К о с а ч е в с к и й. Он мог быть знаком с вашим собранием стразов?

К е р б е л ь. О моем собрании мало кто знает, и я его не показывал ни одному ювелиру. Кроме того, видите мой страз? Нижняя часть «Слезы Богородицы» у меня изображена приблизительно, а здесь павильон передан с особенностями рельефа.

К о с а ч е в с к и й. Кто же мог изготовить эти стразы?

К е р б е л ь. Я никого не подозреваю. Что же касается до предположений... Вы знавали купца Арставина?

К о с а ч е в с к и й. Слышал о таком.

К е р б е л ь. Так вот, сын его, Михаил Арставин, пригласил как-то к себе на дом ювелира Павлова и показал ему великолепный синий бриллиант. Михаил Арставин попросил Павлова осмотреть камень и засвидетельствовать его подлинность. Тут же находился и продавец бриллианта. Ювелир осмотрел камень и сказал, что это знаменитый «Норе» из Амстердама, бриллиант сапфирового цвета. И еще Павлов сказал, что это фамильный бриллиант рода Норе, поэтому он сомневается, что хозяева расстались с ним добровольно... Но Михаил Арставин не был очень честным коммерсантом, он не боялся запачкать рук и купил этот бриллиант. Но это был не бриллиант.

К о с а ч е в с к и й. Ювелир ошибся?

К е р б е л ь. Может быть. Но Михаил Арставин обвинял его в мошенничестве. Он утверждал, что ювелиру очень нужны были деньги и этот страз изготовил знакомый Павлова. Именно он якобы и продал страз ему, Арставину.

К о с а ч е в с к и й. Вы видели этот страз?

К е р б е л ь. Да. Это был очень хороший страз, такой же хороший, как и те, что вы мне привезли. Мне кажется, что их делал один мастер.

К о с а ч е в с к и й. Полиция узнала, кто изготовил фальшивый «Норе»?

К е р б е л ь. Нет.

К о с а ч е в с к и й. Павлов в Москве?

К е р б е л ь. Павлов умер. Он отравился, когда учинили дознание.

К о с а ч е в с к и й. А Михаил Арставин?

К е р б е л ь. О нем я ничего не знаю.

Дополнений не имею.

Записано с моих слов правильно.

Ф. Кербель».

***Товарищу председателя Московского совета
народной милиции Косачевскому Л.Б.***

***Докладная записка по уголовно-разыскному делу за № 1387,
журнал регистрации происшествий уголовно-разыскной
милиции г. Москвы, январь 1918 г., запись № 58-6 (ограбление
Патриаршей ризницы в Кремле, ориентировочная сумма
похищенных ценностей – 30 миллионов золотых рублей)***

«Настоящим довожу до Вашего сведения нижеследующее. В целях установления владельца деревянной икатулки, инкрустированной слоновой костью, обломки коей были обнаружены агентами милиции в снегу под окном Патриаршей ризницы, мною были проведены согласно Вашему указанию соответствующие действия, а именно:

1. Обломок икатулки с изображением герба владельца передан на заключение младшему делопроизводителю канцелярии продовольственного комитета городского района г. Москвы гр. Бекетову С.Г. Поименованный гражданин сведущ в гербоведении, и его заключение представляется в высшей степени достоверным. До революции гр. Бекетов являлся статским советником и служил в Петрограде по департаменту герольдии Правительствующего сената помощником обер-секретаря канцелярии, а также принимал деятельное участие в разработке комментариев к Российскому гербовнику.

2. Приватно мною опрошен ряд лиц. В результате указанного опроса получены изложенные в прилагаемой справке сведения о местонахождении предполагаемых владельцев икатулки.

Нижайше прошу Вашего указания о выплате из специальных средств вознаграждения гр. Бекетову за проведенную им экспертизу в размере 40 (сорока) рублей.

Приложение на 5 страницах.

Инспектор Московской уголовно-разыскной милиции П. Борин.

Заключение

Мною, Бекетовым С.Г., произведен тщательный осмотр и исследование представленного инспектором Московской уголовно-разыскной милиции гр. Бориным геральдического герба на пластинке слоновой кости.

Осмотренный мною герб двухцветный со щитом французской формы. Щит четверочастный, то есть состоящий из четырех частей.

Этот герб принадлежит баронскому роду Мессмеров, восходящему к XV веку.

Род Мессмеров внесен в пятую часть родословной книги депутатского Дворянского собрания Московской губернии.

С. Бекетов.

Справка

В настоящее время представителями рода Мессмеров в России являются:

брат покойного Александра Петровича Мессмера, генерал-майор в отставке, барон Григорий Петрович Мессмер;

его сыновья: Олег Григорьевич и Василий Григорьевич Мессмеры, а также дочь барона Александра Петровича Мессмера, Ольга Александровна, в замужестве Уварова.

Барон Григорий Петрович Мессмер.

Родился в 1845 году. Образование получил в Пажеском Его императорского величества корпусе.

В отставку вышел в 1913 году с должностью командира лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии батальона.

Родовое имение в Серпуховском уезде Московской губернии. Снимает квартиру в Москве по Шереметьевскому переулку в доме вдовы действительного тайного советника Бобринцева.

Барон Олег Григорьевич Мессмер.

Родился в 1880 году. Образование получил в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском военном училище. Служил полковым адъютантом в лейб-гвардии гусарском полку. По неустановленным причинам в 1912 году вышел в отставку и вскоре принял пострижение. В настоящее время является монахом в Валаамском Преображенском монастыре.

В иночестве – Афанасий.

Барон Василий Григорьевич Мессмер.

Родился в 1882 году. Образование получил в Нижегородском дворянском институте имени императора Александра II, затем – в Институте инженеров путей сообщения имени императора Александра I в Петербурге, но курса в последнем не закончил, а поступил в Павловское военное училище. После производства был зачислен в гвардию. Участвовал в боях во время Русско-японской и Германской войны. Трехжды ранен, кавалер орденов Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й и 4-й степеней, Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом и Святого Станислава 2-й степени с мечами.

После Февральской революции – заместитель начальника Царскосельского гарнизона. В настоящее время род занятий неизвестен, имеет жительство, предположительно, в Петрограде.

Ольга Александровна Уварова, дочь покойного Александра Петровича Мессмера.

Родилась в 1884 году. Образование получила дома и в Смольном институте благородных девиц. С 1905 года состоит в браке с Павлом Алексеевичем Уваровым, занимавшим перед революцией должность иркутского губернского прокурора, а затем – вице-губернатора Тобольской губернии. Местонахождение Уваровых в настоящее время неизвестно.

По сведениям, полученным от бывшей горничной Г.П. Мессмера, шкатулка из зеленого дерева, инкрустированная слоновой костью, является собственностью Василия Григорьевича Мессмера.

Оная шкатулка подарена барону Василию Григорьевичу его покойной женой в день ангела незадолго до Германской войны.

Как показали при опросе швейцар дома Бобринцевой и дворник, барон Василий Григорьевич в прошлом году несколько раз навещал отца в Москве.

Инспектор Московской уголовно-разыскной милиции П. Борин».

Глава 3

Мнимый голландец, купеческий сын и «премьер-министр Хитрова рынка» Никита Махов

1

Осмотр разграбленной ризницы; версии, которые мы обсуждали с Рычаловым; бриллиант «Саней» со шлема Карла Смелого; допрос Волжаниным лысого барыги, который чуть было не закончился смертью «вышеозначенного»; драгоценные камни, оказавшиеся искусными подделками; показания Кербеля...

Не слишком ли много для одного дня?

Артюхин еще спал. Он всегда любил поспать. И когда мы жили в Самарском, Артюхин-старший, мужик работающий и основательный, стаскивая его по утрам за ногу с лежанки, объяснял нам с Рычаловым: «Сызмальства Филя такой. Одна надежда, что с годами выправится». Но надежде Парфентия Сазоновича не суждено было сбыться. Филимон так и остался любителем поспать. И когда осенью прошлого года мы с ним вновь встретились в Тобольске, куда я приехал в качестве комиссара Петроградского Совета для проверки условий содержания царской семьи, я имел возможность убедиться, что сон у Филимона такой же богатырский, как и прежде.

Так и не добудившись Артюхина, я оделся и спустился вниз за газетами. Меня интересовало, как комментируется ограбление Патриаршей ризницы.

В вестибюле чопорного «Националя» царило утреннее оживление. Возле фанерного щита с наклеенными на нем театральными афишами стоял наш сосед по этажу, корреспондент какой-то американской газеты, долговязый парень в желтых крагах и клетчатых бриджах, эффектно опоясанный пулеметной лентой (подарок какого-то матроса). Американец перерисовывал русские буквы с афиши, на которой разухабисто танцевали канкан желтые, зеленые и красные слова, призывающие всех граждан обязательно посетить «великий праздник футуризма».

– Большевик? – тщательно выговаривая трудное слово, спросил у меня американец и ткнул пальцем в фамилию Маяковского.

– Нет.

– Эсер?

– Поэт.

– По-эт... – Кажется, такого русского слова он не знал. Американец сделал пометку в блокноте. – А этот? – Палец корреспондента передвинулся пониже и замер против фамилии Бурлюка.

– Поэт.

– А этот?

– Тоже поэт.

Американец озадаченно посмотрел на меня: удивительная страна эта Россия! Большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, а теперь, оказывается, появилась новая партия – поэты...

Я подошел к портю, возле которого подросток из трудовой артели «Московский рикша» раскладывал густо пахнущие типографской краской кипы. Когда я расплачивался за газеты, ко мне вновь подошел американец. На этот раз его заинтересовало наклеенное на том же фанерном щите постановление Союза родительских комитетов по поводу мер, принятых властью против бастующих учителей. Постановление начиналось словами: «Заслушав сообщения

с мест об увольнении всех учителей городских школ Москвы и о выселении их из квартир, занимаемых ими в школах, делегатское собрание родительских комитетов не находит слов для осуждения этого позорного жандармского поступка...» Но, как видно было из текста, слова все-таки нашлись, и в избыточном количестве...

«Районные управы, – лил горькие слезы Союз родительских комитетов, – передали заведение школами швейцарам, а не нам, родителям, которые, конечно, больше имеют права, нежели швейцары...»

Американец ткнул пальцем в слово «швейцар»:

– Швейцар?

Похоже, он не сомневался, что я готов посвятить ему целый день. От излишне любознательного корреспондента пора было избавиться.

– Швейцар, – любезно подтвердил я. – Только учтите: не каждый поэт – швейцар, не каждый швейцар – поэт, и единственное, что их объединяет, – это то, что ни тот, ни другой не является люмпен-пролетарием. Так и запишите.

– О-о! – восторженно выдохнул американец, но записывать почему-то не стал...

Когда я с пачкой газет поднялся в номер, Артюхин вскочил на постели и очумелыми, ничего не соображающими глазами обвел комнату.

Покуда он приводил себя в порядок, я просмотрел газеты. Их страницы были заполнены статьями о переговорах с немцами, противоречивыми и отрывочными сообщениями с Украинского, Донского и Оренбургского фронтов. Много писали о нарастающем продовольственном кризисе. «Известия» публиковали постановления Моссовета об учете и распределении мебели, о передаче в управление Союзу дворников экспроприированных домов, в которых саботажники-жильцы по-прежнему вносят квартплату бывшим домовладельцам.

«Утро России», как всегда, пестрело объявлениями.

«Молодая интересная барышня (без претензий)» искала место при детях. Но тут же давалось понять, что, если детей не окажется, «барышня (без претензий)» легко с этим смирится. Парижская фирма «Руссель» предостерегала граждан молодой республики: «Ваш живот растет непомерно. Вы растолстели, обрюзгли, стали неизящными. У вас вялость желудка...» И советовала: «Торопитесь, наденьте лучший в мире эластичный мужской пояс системы Руссель! Только тогда к вам вернется былая стройность».

Потребительское общество «Единение» принимало подписку на американскую обувь, а доктор Вольпян, живший на Мясницкой улице, обещал с помощью препарата с экзотическим названием «неосальварсан» избавить страждущих от сифилиса и вернуть их в лоно семьи. Значительное место отводилось и уголовной хронике. Но нигде ни слова об ограблении ризницы...

Артюхин уже был одет, обут и выбрит. Его румяное лицо дышало первозданным покоем и благодушием. Наверное, так выглядел Адам в те лучезарные дни, когда его жизнь еще не была омрачена обществом милой, но вздорной женщины. Артюхина ничуть не беспокоило, как организовать наблюдение за квартирой Мессмера, даст ли правдивые показания Пушкин, кого из сотрудников откомандировать в Петроград и кто изготовитель стразов, изъятых у барыги.

– Кстати, Филимон Парфентьевич, что тебе снилось сегодня? Ты во сне так веселился, что я чуть впрыскал не пошел.

– Так, ничего... – Артюхин хмыкнул и в свою очередь спросил: – Леонид Борисович, а на зубах пробу ставят?

– На каких зубах?

– На золотых... На тех, что матросик носит.

– Нет, не ставят.

– Жаль, – сказал Артюхин и тут же себя утешил: – А все одно, кабы я при золотых зубах, хотя и без всякой пробы, в Самарское возвратился, все бы девки сбеглись. В редкостях покуда еще золотые зубы у трудового народа.

Вот тебе и безмятежность первозданности! Видно, вопреки утверждению Библии, и у Адама в раю были какие-то неудовлетворенные желания, а вместе с ними и неприятности. На том Ева и сыграла. Что поделаешь? Эдем Эдемом, а жизнь жизнью... Но почему все-таки газеты не поместили сообщение об ограблении Патриаршей ризницы?

Ответ на этот вопрос я получил лишь днем, когда приехал с очередным докладом к Рычалову. Оказалось, что ответственные редакторы выполняли настойчивый совет не кого иного, как председателя Совета милиции.

– Пусть день-другой помолчат, – сказал мне Рычалов, – а мы пока без лишнего шума попытаемся разобраться, что к чему. – И съехидничал: – Корреспондента «Русских ведомостей», конечно, не успел допросить?

Я рассказал ему о барыге, стразах, опросе Кербеля и работе, проведенной Бориным.

– А корреспондентом я сегодня займусь.

– Да теперь уж ни к чему, – сказал Рычалов. – Я сегодня утром по одному делу заезжал в «Русские ведомости». У него, оказывается, старое знакомство в синодальной конторе, чиновник один. Он и телефонировал об ограблении. Я проверял – не врет.

Он просмотрел протокол опроса Кербеля и документы, привезенные Бориным.

– Борин-то будто ничего, а?

– Ничего. Под седлом ходит неплохо.

Рычалов расспрашивал меня о стразах, о том, как я думаю разыскать их изготовителя, предпринято ли что-либо для проверки предположения о симуляции ограбления. Но в первую очередь его интересовало семейство Мессмер. Участие в ограблении ризницы Василия Мессмера идеально вписывалось в любимую концепцию Рычалова, которую он развивал еще будучи пропагандистом. Суть ее сводилась к тому, что пролетаризация в результате социалистической революции привилегированных классов неизбежно должна была привести их деклассированных представителей к уголовщине.

По существу эта теоретическая концепция не вызывала возражений. И все же я не был убежден, что после Октября каждый князь обязательно должен стать налетчиком, граф – карманником, а экспроприированный фабрикант – скупщиком краденого.

Участие Василия Мессмера в ограблении вызывало у меня сомнения. Если предположить, что он был среди грабителей, то как ответить на такой вопрос: зачем ему потребовалось брать с собой шкатулку? Чтобы облегчить работу уголовного розыска? Кроме того, по утверждению швейцара и дворника, Василий Мессмер покинул Москву не позже восьмого января, а ризница предположительно была ограблена после пятнадцатого. Это уже походило на алиби. Пусть несколько сомнительное, но все-таки алиби. И если бы не одно обстоятельство, я бы считал, что шкатулка похищена у Мессмера и специально подброшена грабителями, чтобы запутать агентов милиции...

Но меня сильно смущали сведения о старшем брате Василия Мессмера, бароне Олеге Григорьевиче Мессмере, монахе Валаамского Преображенского монастыря. Если бы инок Афанасий замаливал свои грехи в любом другом монастыре Российской империи, я бы не обратил на это внимания. Но старший брат Василия Мессмера выбрал именно Валаамский, и это наводило на различные мысли. Дело в том, что с 1912 по 1916 год настоятелем этого обширного монастыря, расположенного сравнительно недалеко от Петрограда, был не кто иной, как архимандрит Димитрий, на попечении которого с 1916 года находилась синодальная, а ныне Патриаршая ризница... Я знал это лучше кого бы то ни было, так как после побега из тобольской ссылки вынужден был несколько месяцев скрываться на территории монастыря.

Тут, конечно, могло быть простое совпадение, но не исключалось и нечто худшее. Во всяком случае, не обратить внимания на этот факт я не имел права.

– Братьями будет заниматься петроградская милиция? – спросил Рычалов.

– Нет. Хочу послать своего человека. Но питерцы ему помогут. Я уже говорил по прямому проводу с начальником Петроградской уголовно-разыскной милиции.

– Кого пошлешь? Борина?

– Сухова. Он сегодня выезжает. Борину я поручил розыски изготовителя стразов. Ему работы и так хватит.

– В том, что ты ему не дашь бездельничать, я не сомневаюсь, – усмехнулся Рычалов. – Ну что ж, начало, кажется, положено.

2

Борина не надо было заставлять работать: он и так был более чем добросовестен. И хотя, в отличие от Рычалова, у него не было листка с распорядком дня, он тоже все успевал. Когда, подробно проинструктировав уезжавшего в Петроград Сухова, я навестил старого сыщика, у него были для меня новости.

Уголовного дела о мошенничестве с фальшивым «Норе» в архиве не оказалось. Но Борин разыскал бывшего полицейского, который проводил дознание некоего Хвощикова, работавшего теперь в артели «Раскрепощенный лудильщик», и жену покойного ювелира Павлова.

Оказалось, что Кербель, знавший всю эту историю понаслышке, основательно напутал.

Покупателем фальшивого бриллианта был не Михаил Арставин, а его отец, широкоизвестный в Москве именитый купец Петр Васильевич Арставин, проживающий с середины семнадцатого года в Финляндии.

Михаил, в то время начинающий коммерсант, подвизавшийся в русском картеле фабрикантов гвоздей и проволоки, прогорел на какой-то афере и обратился за деньгами к отцу. Петр Арставин отказался помочь своему отпрыску. И хотя Михаил угрожал отцу самоубийством, тот не дал ни копейки. А спустя некоторое время молодой Арставин привел к отцу черноволосого молодого человека со шрамом над правой бровью.

Представившись голландским золотых дел мастером, приехавшим в Россию по делам фирмы, черноволосый молодой человек предложил Арставину купить у него «приобретенный по случаю» синий бриллиант поразительной красоты. Арставин, видимо заподозрив что-то, отверг это предложение. Однако купца все-таки надули...

Через неделю после визита «голландца» в «Биржевых ведомостях», газете солидной и пользующейся доверием, появилась маленькая заметка о похищении в Амстердаме знаменитого бриллианта «Норе». Арставин-старший теперь не сомневался, что ему предлагали именно этот бриллиант. Покупка краденого – дело, конечно, неблагоприятное и даже уголовно наказуемое, но ведь такого «выдающегося» бриллианта в Москве ни у кого нет. А Петр Арставин любил все «выдающееся» – «выдающихся художников», которые расписывали потолки в его особняке, «выдающихся осетров», которых подавали на блюде вместе с аршином, чтобы гости могли их измерить и убедиться, что таких они нигде раньше не едали...

Короче говоря, купец попросил сына разыскать «голландца». Но Михаил сказал, что иностранец уже продал «приобретенный по случаю» камень ювелиру Павлову. Павлов подтвердил: да, бриллиант у него. Он приобрел его за сорок тысяч рублей. Может быть, он уступит камень? Павлов согласился перепродать бриллиант Арставину. Ювелир запросил шестьдесят тысяч. Арставин давал сорок пять. Сошлись они на пятидесяти. А потом обнаружилось, что камень фальшивый, и Павлов был арестован по подозрению в мошенничестве...

Хотя прямых улик против Михаила Арставина не было, Хвощиков считал, что организатором аферы являлся именно он, а не Павлов. Во всяком случае, после покупки отцом бриллианта Михаил сразу же оплатил свои векселя на двадцать две тысячи рублей. Причем более или менее вразумительно объяснить Хвощикову, откуда у него вдруг появились деньги, он не смог. Бывший полицейский считал, что деньги от аферы в основном достались Михаилу и «голландцу», а Павлов получил лишь какие-то крохи. Заметка в «Биржевых ведомостях», по мнению Хвощикова, была инспирирована тем же Михаилом Арставиным, который имел знакомства среди репортеров. Но ничего этого доказать он не смог, и дело после самоубийства Павлова было прекращено.

За Арставиным числился и еще один грешок.

Незадолго до войны, когда Михаил еще грыз гранит науки в реальном училище, он пытался продать одному чиновнику бриллиантовые стразы, выдавая их за драгоценности.

История эта была замята отцом Арставина, и предприимчивый реалист отделался легким испугом.

– Как видите, господин Косачевский, этим молодым человеком есть смысл заняться, – заключил свой рассказ Борин. – Похоже, что он каким-то образом причастен к ограблению. Возможно, опосредованно, но причастен.

Действительно, в сочетании с утверждением Кербеля, что стразы, отобранные у барыги, в деталях повторяют камни ризницы, а следовательно, их изготовитель видел, и не только видел, но и держал в руках похищенное, сведения, собранные Бориным, превращали сына именитого купца в подозреваемого.

– Вашему Хвощикову можно доверять?

– Если забыть, что он бывший полицейский... – на лице Борина застыло почти-тотально-официальное выражение, – то можно. Я имел честь служить вместе с ним десять лет. Хвощиков дельный чиновник. И если позволите, по моему суждению, он бы больше принес пользы уголовно-разыскной милиции, чем в артели «Раскрепощенный лудильщик».

– В артели «Раскрепощенный лудильщик» тоже нужны дельные люди, – возразил я. – Впрочем, я подумаю о Хвощикове. Если он не научился хорошо лудить, может быть, действительно имеет смысл вернуть его в розыск. Что же касается до Михаила Арставина... Хвощиков считает, что фальшивый «Норе» изготовил именно он?

– Нет, Хвощиков так не думает. Для изготовления таких стразов нужны изрядные познания в химии, а Михаил Арставин к наукам никогда склонности не имел. Ветроуд, из тех, кого в народе именуют божьими племянниками. Его папаша за уши из одного класса в другой перетаскивал... Стразы изготавливались кем-то в Маховке.

– Маховка?

– Так называют притон Махова на Хитровом рынке. Когда весной 1915 года бежал с каторги известный рецидивист Формер, к нам поступили данные, что он скрывается где-то в Москве, скорей всего на Хитровке. Мы тогда основательно шерстили все значные места. Навестили, понятно, и Махова. Формера мы так и не нашли, но зато во время обыска в номерах обнаружили ящик с химикатами, необходимыми для изготовления стразов, и несколько десятков фальшивых камней высшего разбора.

– Изготовителя, понятно, не нашли?

– Нет. Да мы его и не искали. Изготовление стразов само по себе законом не преследуется.

– А о «голландце» что-либо узнали?

– Почти ничего, – сказал Борин.

Действительно, сведения о «голландце» были более чем скудны. Они сводились лишь к тому, что его видела жена ювелира Павлова, когда он вместе с Михаилом Арставиным приезжал к ним. У Павловой сложилось впечатление, что Михаил и «голландец» давно знакомы друг с другом. Кроме того, Павлова сказала, что, судя по разговору между ним и мужем, молодой человек со шрамом разбирался в тонкостях ювелирного дела. Муж с ним даже советовался о форме огранки какого-то камня. Поэтому Борин высказал предположение, что изготовителем стразов и был «голландец», который через Махова получил возможность осмотреть украденные в Патриаршей ризнице камни и сделать с них копии. Теперь они сбывались любителям легкой наживы как подлинные самоцветы ризницы с помощью барыг типа Пушкива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.